

Московская группа содействия выполнению Хельсинских соглашений
Просветительная программа «Правовая культура»

Семинар №1

**История, философия, принципы
и методы
правозащитной деятельности**
(сборник материалов)

Москва 1992

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Московская Хельсинкская группа разработала программу правового просветительства в области прав человека. Эта программа включает в себя проведение серии семинаров, посвященных правозащитной тематике. Мы предполагаем не только чтение цикла лекций (лекторы – известные правозащитники, юристы, ученые), но и активное участие в семинарских занятиях людей, сегодня входящих в правозащитные группы и организации в разных регионах страны. Мы будем проводить семинары два раза в год. Материалы семинаров мы будем готовить к публикации и распространять их среди правозащитников разных регионов, о том, чтобы они могли служить пособием для дальнейшего повышения уровня правовой культуры в стране – особенно среди учителей, студентов, школьников в других слоях населения.

Реализация программы стала возможной благодаря материальной поддержке советско-американского фонда "Культурная инициатива".

Мы выражаем нашу благодарность фонду за поддержку нашей группы в деле, которое мы считаем чрезвычайно важным и актуальным.

1-й семинар был проведен 1-4 февраля 1991 года. Материалы этого семинара собраны и публикуются в настоящем сборнике.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО СОПРЕДСЕДАТЕЛЯ МОСКОВСКОЙ ХЕЛЬСИНКСКОЙ ГРУППЫ

Л.Богораз

Уважаемые коллеги! Я рада видеть вас всех в этом зале. Еще совсем свежи в нашей памяти времена, когда, если бы все правозащитники собрались в одной камере пересыльной тюрьмы, там не было бы слишком тесно. А здесь мы были вынуждены искать более просторное помещение, и я рада, что вас много. Я хочу рассказать, каков замысел этого семинара. Нам всем не хватает правовой культуры. Она необходима сегодня и для политической жизни, и для любой другой. Без правовой культуры, без правовой основы пробуксовывает и политика, и все остальное, чем мы живем. Поэтому мы решили проводить такой семинар для правозащитных групп, которых сегодня, слава Богу, много. Мы имеем в виду», что вы, уехав в свои регионы, организуете и там тоже правовой ликбез. Может быть, вам удастся пробить на местах, через сегодня во многом демократические Советы, идею факультатива по правам человека в средних школах. Может быть, вы у себя прочтете лекции для студентов, для учителей по теме "Права человека".

Мы должны учиться друг у друга. Это не должно быть чисто дидактическое мероприятие. У каждого есть свой опыт правозащитной деятельности.

Можно, конечно, спросить: "Время ли сейчас для учебы?". У нас буквально под ногами начала гореть земля, все это заметили. И все будет выжжено, все, чего мы достигли за это время, будет просто бесплодное пустое место на нашей земле, если мы не займемся созиданием немедленно.

Я хотела бы сказать, что правозащитное движение 60-80-х годов бросило семена в землю. Чтобы они не сгорели, нам нужно прежде всего понять и обобщить опыт правозащитников 60-80-х годов. Не героический опыт – это менее интересно, это вообще не так важно сейчас, а опыт достигнутых правозащитниками в эти годы перемен в общественном сознании. Необходимо исследовать и, может быть, продолжить этот опыт сегодня. Этому и будут посвящены выступления на нашем семинаре. Мы не будем заниматься агитацией друг друга, заниматься этим сегодня некогда и незачем. Я думаю, что мы в значительной степени единомышленники, поскольку собрались вместе в этом зале.

Я не считаю, что все жизненные проблемы решаются в области права. Но право – это тот механизм, который помогает решить жизненные проблемы. Наша программа такова: сегодня – общие вопросы, философия, история, методы правозащитной деятельности. Мы проведем ряд семинаров, наш курс рассчитан на три года. Дальнейшие наши собрания будут посвящены, например, правам личности, неотъемлемым правам гражданина, свободе совести, свободе слова, печати и т.д. Ближайшее собрание, я думаю, в июне, будет посвящено национальным проблемам, поэтому давайте сегодня этого вопроса не будем касаться – он слишком серьезен, слишком актуален и грандиозен для того, чтобы мы могли им заняться сегодня. На последнем занятии нынешнего семинара 4-го февраля будет отдельно обсуждена ситуация в Литве.

Давайте постараемся не делать демонстративных жестов, они не нужны нам сегодня. Сегодня мы долж-

ны учиться. Таким образом, я открываю наш семинар.

**Ливну Бота, старший советник заместителя
Генерального секретаря ООН по правам человека**

Когда я приехал в Москву, я не подозревал, что мне представится возможность присутствовать на этом заседании. Я как сотрудник ООН мог бы рассказать, что у нас есть собственные вопросы защиты прав человека, потому что многие из наших коллег работают сейчас во многих странах мира и являются жертвами разного рода подавления и ограничения прав человека. Но я здесь для того, чтобы информировать вас, что мы думаем в ООН именно по тем вопросам, которые здесь обсуждаются.

Прежде всего, мы не считаем, что с одобрением Всеобщей Декларации Прав Человека и с одобрением отдельных пакетов о правах человека процесс установления международных стандартов в области прав человека в целом закончился. Сейчас мы работаем над двумя новыми инструментами – это права меньшинств и права коренного населения. Задача сейчас состоит в том, чтобы эти права были воплощены в жизнь. Для нас важно, чтобы люди знали, что у них есть права, каковы эти права и как требовать защиты этих прав. Поэтому Генеральная Ассамблея решила начать всемирную кампанию прав человека, чтобы информировать людей во всем мире об их правах.

У нас есть публикации разного рода, даже на русском языке. Их очень много, и мы надеемся, что вы будете ими пользоваться в вашей работе. Здесь есть информационный центр ООН, в котором должны быть все эти материалы по вопросам прав человека. Мы очень серьезно занимаемся воспитанием в области прав человека на всех уровнях. Мы уже издали несколько публикаций в области прав человека, и я думаю, что они будут полезны для всех, кто хочет преподавать этот предмет в школах.

Мы также понимаем, что в некоторых странах даже при наличии движения за права человека есть трудности экономического и другого порядка. У нас есть программа консультативных служб и технической помощи в области прав человека. Как раз сейчас мы проводим обширную программу по обучению людей, имеющих отношение к проблемам прав человека, – будь это члены парламента, полицейские, сотрудники пенитенциарной системы, – чтобы те стандарты, которые существуют в мире и которые государства согласились соблюдать, на самом деле соблюдались.

Я вижу улыбку на лицах некоторых участников этой встречи. Да, у нас есть намерение, чтобы эти права, о которых мы говорили, толковались одинаково во всем мире. Мы приложим все наши силы для этого. Мы хотим вовлечь в эту работу также и неправительственные организации, мы надеемся на их помощь в этой области, как ни в какой другой. Мы получаем массу информации о нарушении прав человека от неправительственных организаций, и количество такой информации растет по мере роста информации о правах человека.

В 1989 г. мы начали всемирную кампанию по общественной информации в области прав человека. До этого мы получили 60-70 тысяч писем от отдельных граждан или организаций. В 1989 г. мы получили примерно 300 тысяч таких писем, и это отражает улучшение понимания людьми всего мира своих прав.

Генеральная Ассамблея ООН решила в декабре прошлого года созвать в 1993 г. Мировую Конференцию по правам человека. Мы входим в новый этап защиты прав человека. Был первоначальный этап, когда стандарты устанавливались на основе Всеобщей Декларации, потом решалась задача выяснения места прав человека в экономическом и социальном развитии общества, и было фактически доказано, что развитие невозможно без соблюдения прав человека, как невозможен и мир, и безопасность на планете.

Сейчас мы входим в новый этап, когда в результате изменений в мире вопрос прав человека идеологизируется, он не является больше предметом идеологической борьбы. Раньше любому диктатору было сравнительно просто найти себе сторонников в США или СССР, но сейчас положение изменилось. Поэтому Генеральный Секретарь ООН заявил, что защита прав человека в мире является составной частью борьбы за мир и безопасность. Права человека становятся центральным аспектом нашей деятельности. К подготовке этой конференции мы хотим привлечь как можно больше слоев населения, профессиональных групп; мы надеемся на активное участие неправительственных организаций из Советского Союза в этом процессе. Наш адрес вам известен: Женева, Дворец наций, – и если вы нуждаетесь в информации, которой нет здесь, в Москве, в нашем Информационном Центре, вы можете обратиться к нам прямо в Женеву, и мы будем рады ответить на ваши вопросы.

Я благодарю вас за внимание и готов отвечать на ваши вопросы.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВООЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ю.Орлов, почетный председатель Международной Хельсинкской Федерации

Вполне возможно, что в ближайшие месяцы или даже годы правозащитникам придется столкнуться с трудностями: начнется психологическое давление, вернется клевета, возможны аресты, и в такой острой ситуации многим, может быть, придется задуматься, а в чем смысл правозащитной деятельности и был ли смысл вообще? Поэтому, может быть, будет полезно поделиться опытом того, как мы решали эти проблемы, как мы в конце концов отвечали самим себе, почему мы этим занимаемся. Каждому, кто занимается правами человека, рано или поздно приходится сталкиваться с такими трудными концептуальными и моральными проблемами, которые иногда приводят в отчаяние и к большим сомнениям. Прежде всего, задается вопрос –

а нужны ли человеку права человека? Эта очень старая проблема существует потому, что есть известная и правильная точка зрения, что свобода человека – это прежде всего внутренняя свобода, а не внешняя свобода. И если ты свободен внутренне, то так ли уж важно, что там происходит в этом мире? Это было выражено многими авторами и даже нашим Пушкиным, когда он писал, "и мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов, иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура. Иная, лучшая, потребна мне свобода; зависеть от царя, зависеть от народа, – не все ли мне равно? Бог с ними! Никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать. Для власти, для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи. По прихоти своей скитаться здесь и там"¹. Эту точку зрения вы знаете, так вот я на нее отвечаю. Во-первых, если взять хотя бы эти стихи Пушкина – вот оно счастье, вот свобода в вас самих! Мысль кажется мудрой, может быть, потому, что стихи очень красивы, как молодым ребятам кажутся умными красивые девушки. На самом деле эта мысль глубоко нелогична. Пушкин сам говорит, что он хотел бы "по прихоти своей скитаться здесь и там" – вот свобода, но и через сто лет, и в то время, когда он это писал, он имел лишь относительную свободу "по прихоти своей скитаться здесь и там", а его крепостные этой свободы не имели. Через сто лет колхозники тоже этой свободы не имели. Прошло 150 лет, и вы не можете сказать, что вы обладаете такой свободой. А у Пушкина даже в голове не возникло мысли, что может и не быть этой свободы "скитаться здесь и там". У нас этой свободы и сейчас нет. Поэтому ответ такой – конечно, совершенно точно, что внутренняя свобода это и есть настоящая свобода. Но ее не может быть, если не выполнен определенный уровень внешних свобод. И в этом все дело. А если ваше детство прошло в таких условиях, что вас воспитали рабом, и вы потом всю жизнь "выдавливаете из себя по капле раба" – это не свобода. Если побывав в лагерях, вы, задыхаясь от ненависти, начали считать, хватит ли столбов от океана до океана, чтобы повесить всех ваших мучителей, то у вас уже душа несвободна. Хотя вы и сопротивлялись до конца, но если возникла ненависть, то уже нет свободы в душе. Поэтому я и говорю, что для внутренней свободы нужен определенный уровень свобод внешних. Это совершенно очевидно. Одна из тяжелых проблем, которая возникает в трудных ситуациях, а они, может быть, в ближайшие времена опять наступят, это вопрос о том, за кого же мы боремся? Кому это нужно? Мы – за людей, а все ли люди – люди? Может получиться, что люди, за свободу и права которых вы боролись, сложили часть своей жизни, эти люди проклянут вас же публично! Как это и было даже в период гласности, когда многие интеллигенты все еще боялись сказать что-нибудь положительное о диссидентах, которые все еще сидели в лагерях. Так для кого и за кого мы боролись? Для вот этих же и за этих же людей! Почему? Потому что, может быть, только продавши нас, они начнут сомневаться и начнут развиваться. А без этого, может быть, с ними ничего и не произойдет, а ведь за это развитие и движение мы и боремся. Но это еще не самый трудный вопрос. Если вы помните, Салтыков-Щедрин писал: "взгляни на первую лужу – в ней найдешь гада, который ирройством своим всех прочих гадов превосходит и затемняет"².

Вы боретесь за права человека, и это означает, в частности, за равенство прав всех людей, а вам говорят, что люди – стадо, что люди, как и животные, подвержены иерархической структуре, они любят или быть лидерами, или иметь лидеров, или быть Наполеонами, или подчиняться Наполеону, и им это равенство совсем не нужно. К сожалению, вот на такое соображение ответа вообще нет, потому что это правда. Люди существа сложные, они хотят и равенства, и в то же время господства, мы это знаем. И ответ тут только один, если у вас такое сомнение возникло, значит вы не защитник прав человека. Отойдите в сторону, займитесь другими делами...

Из этого примера видно, что нужны разные деятели: и те, которым нравится такая иерархическая структура, потому что она в половине нашей души содержится, и те, которым нравится демократия, равенство, и это тоже в вашей душе содержится. Все это в обществе нужно, нужны "правые", и нужны "левые". Это один из основных базисов правозащитного движения. Все направления политической мысли, политических желаний нужны в обществе просто потому, что человек сложен, и они все отвечают разным сторонам нашей души, или разным людям с разными устремлениями.

Мы подошли к политической стороне правозащитного движения – в каких отношениях находятся политика и борьба за права человека. Этот вопрос не простой. Очень часто правозащитники отрешиваются от политики, считая, что это дело, ну, во всяком случае, нужное, но не чистое. Особенно трудно объединить на самом деле себя с политикой в ситуациях, когда режим тоталитарный или диктаторский. Это то, что как раз было у нас и то, что может быть теперь. Опять война пройдет туда, потом обратно. В этой ситуации надо четко себе представлять, где граница между борьбой за права человека и политической борьбой, потому что на самом деле внешне как бы границы нет – всегда, когда вы боретесь против диктатуры, вы боретесь одновременно и за права человека. Значит, когда нас обвиняют в том, что наша деятельность является политической, то правильно обвиняют, она автоматически является политической, как бы мы ни отрешивались от этого. Права человека в тоталитарном режиме – это политический вопрос, это вопрос перехода к другому режиму, в рамках диктаторского режима все равно не добьетесь соблюдения прав человека.

Есть критерий, по которому можно разделить правозащитников от политиков. Я думаю, что этот критерий полезный, и каждому может быть полезно осознать, где лежат эти критерии. Во-первых, наше движение ненасильственное. Я не хочу сказать, что насилие всегда плохо. Бывают ситуации, например, нацистский

¹ Пушкин А.С. "Из Пидемонти". Собр.соч. – М., 1974. Т.2. – С. 381.

² Салтыков-Щедрин Н.Е. "История одного города". Избранные про изведения. – д.: Газетно-журнальное и книжное издательство, 1949. – С. 7.

режим, или сталинский (который, правда, прошел без контрнасилия) или даже режим апартеида, когда очень трудно требовать от людей, чтобы никакого контрнасилия не было. Но мы, правозащитники» в этом не участвуем. Это один из критериев отличия правозащитного движения от движения политического. Затем надо отметить недопустимость использования лжи в системе информации. Для политиков это допустимо, к сожалению. Я однажды в Париже беседовал с очень уважаемой дамой, которая занимается правами человека, и я сказал, что, по-моему, и президенту то же лгать не положено. Но она считала, что президенту не лгать невозможно. Такой опыт она вынесла из этих кругов. Так что, может быть, в политике действительно иногда приходится врать. Но это, я бы сказал, не мое дело. Наше дело состоит в том, что мы никогда не должны давать лживую информацию. Она может быть ошибочной, но она не должна быть недобросовестной. Почему это так? Ну, прежде всего, например, потому, что потом, через какое-то время, это обернется бумерангом не против нас, может быть, но против наших же целей. Потому что даже самые плохие люди, которые предавали нас, они-то нас по-своему уважают за то, что мы не лжем, они знают, что мы правы и потом они прозреют. А если они будут видеть, что мы лжем, то эффекта даже после нашей смерти не будет, а мы этого не хотим. Дальше идут критерии, может быть, не столь стройные, – это не зависимость не только от управляющих сил, не только от правительства, но и от политики оппозиции, от общественного мнения. Наша информация, наше понимание прав человека не должно зависеть ни от того, к какой политической оппозиции мы принадлежим, ни от того, что думает большинство людей. Большинство людей нацистской Германии думало, что Гитлер хорош, а евреи плохие. Очень многие при Сталине думали тоже черт знает что. Мы не должны следовать за большинством, у нас свои принципы и мы должны следовать своим принципам. Этот критерий – независимость даже от политической позиции на самом деле описывает только совершенно чистое правозащитное движение. В мире очень много правозащитных движений, одновременно связанных с определенными политическими силами. Такие смешанные движения, вероятно, возникнут и у нас. Если раньше наше движение было "чистым", может быть, потому, что нас было очень мало, то теперь нас очень много, и в рамках политической борьбы каждый право защитник, вероятно, будет принадлежать к той или другой политической мысли. Хотя бы не партии, но мысли. Все же было бы лучше, если бы обязательно существовало чистое правозащитное движение, а остальные смешанные не запрещены, потому что они существуют во всем мире. Я знаком с ними постольку, поскольку участвовал в разных защитах, ну, например, палестинских ученых, которые содержались в тюрьме без суда и следствия в течение длительного времени, что является нарушением прав человека независимо от того, виноват он или нет. Нужно доказывать вину, а не просто содержать людей в тюрьме. Я ознакомился с докладом ми палестинских групп по правам человека и убедился, что они дают информацию о нарушениях их прав и совершенно не касаются нарушений прав человека в арабских странах. Мы не можем обвинять группы за то, чего они не делают, важно только, что бы то, что они сообщают, было правдой. У меня все же создалось впечатление, что этому критерию они удовлетворяли, но это политизированные организации, и таких организаций на Западе очень много. В Соединенных Штатах я таких людей встречал, которые, если он левый, то будет защищать левых, если правый он будет защищать правых. Хорошо это или плохо, я сейчас обсуждать не буду. У них имеется свой особый групповой интерес передавать общественности информацию о некоторых нарушениях прав человека, и хорошо, что у них этот стимул есть и общественность эту информацию получает. Я агитирую за более чистое правозащитное движение, свободное от влияния политических партий как левых, так и правых, потому что права человека – это ни "левая" и ни "правая" проблема, это выше политических проблем. Многие организации на Западе этому критерию независимости от политических организаций удовлетворяют полностью, например, Международная Амнистия или у нас в Америке Хельсинки Уотч и Америкен Уотч. Они стараются быть объективными и давать информацию о нарушениях прав человека как в родной, так и в других странах. Если, скажем, здесь придет к власти другая волна, и демократы начнут нарушать права человека, будут судить коммунистов несправедливо, мы должны защищать и коммунистов. Например, известно, что в Польше Тыминьского захотели судить по статье, которая эквивалентна нашей 70-й статье, потому что и сейчас они не изменили Уголовный кодекс. Я считаю, что в этом случае правозащитная организация должна выступить против. В таких случаях следует сказать, что закон плох и не следует использовать этот закон даже и против мошенника и агента старых спецслужб.

Очень интересен вопрос о соотношении между законом вообще и правозащитным движением. Каким законам мы должны подчиняться и на какие законы мы должны ссылаться? Особенно это интересно в нашей современной ситуации, когда существуют законы союзные и республиканские, и у каждой республики может быть свой. Для нас, правозащитников, законом является комплекс правозащитных актов, принятых международными организациями, Организацией Объединенных Наций, в особенности. Эти акты выше всех национальных законов. Мы должны руководствоваться Декларацией Прав Человека Организации Объединенных Наций и Заключительным документом Венского совещания по безопасности и сотрудничеству, Заключительным документом Копенгагенского совещания по правам человека и всем комплексом правовых документов, часть из которых подписана Советским Союзом, часть из которых не подписана. Нас это не касается. Мы опираемся на эти законы. Если национальный закон соответствует этим международным актам, мы на это указываем и можем дополнительно опираться (это я излагаю мою точку зрения) на национальные законы и указывать, что правительство нарушает свои собственные законы. Но если национальный закон не соответствует международным актам по правам человека, мы, в этом случае, подчиняемся международным актам по правам человека. Иначе мы просто должны были бы, например, в 1976-м году не создаваться во-

обще. Наша Хельсинкская группа, как было сказано в заявлении ТАСС, являлась "антиконституционной". Она и была антиконституционной, потому что тогда, согласно 20-й статье Конституции, всякая общественная организация должна была работать под руководством Коммунистической партии. А наша организация не работала под руководством КПСС и поэтому была точно антиконституционной. Если мы будем подчиняться таким законам, а не международным актам, нам просто невозможно будет заниматься правами человека. Кроме того, законы бывают разные. Надо иметь в виду, что нацистское государство было правовым государством, и это надо помнить. И осуждали людей по тем законам, которые были приняты после прихода нацистов к власти, и по этим законам все было в порядке! Такова ситуация взаимоотношений между законом и правозащитным движением.

Я хочу еще сделать несколько замечаний о характере различных международных документов и актов по правам человека. Принято разделять права человека на индивидуальные и коллективные, и особенно любил это разделение советское правительство. Оно всегда указывало, что на Западе больше индивидуальных прав, а зато в СССР – права коллективные. Во-первых, это чепуха, потому что каким правом является право издавать рабочую газету коллективным или индивидуальным? Право писать статьи в рабочей газете? Каким правом является право организовать профсоюз или вести агитацию за профсоюз, коллективным или индивидуальным? Когда советы говорили о коллективных правах, они говорили о крыше над головой, как вы знаете, но мы-то знали, что крыши этой нет. В этом смысле они старались дезинформировать общественность Запада.

Я хотел сейчас указать, что четкой границы между коллективными и индивидуальными правами на самом деле нет. Если нет индивидуальных прав, то не будет и коллективных. Например, вы не можете агитировать за права рабочих, потому что агитация будет запрещена вам как индивидууму.

Последнее замечание, которое я хотел бы сделать, это о связи между правами человека и демократией, демократизацией вообще и международным миром и международной безопасностью. Мы, советские диссиденты, постоянно подчеркивали и всегда были убеждены, что единственный способ подвести прочную базу под международную безопасность и мир – это демократизация. Когда речь идет о малой стране, то страна может быть тоталитарной или диктаторской, и все же это не угрожало бы международному миру. Но когда одна из сверхдержав является тоталитарной, то это международному миру безусловно угрожает. Вместо того, что бы добиваться успехов на переговорах по разоружению, по контролю над вооружением, можно было бы, как я старался убедить на Западе общественность, 90% расходов снять со "звездных войн" и пустить их, например, на приглашение миллиона советских граждан в Соединенные Штаты, чтобы они познакомились с западной жизнью. После этого не понадобятся остальные 10% затрат.

Демократизация является на самом деле единственным прочным основанием для международной безопасности. Мы это понимаем и надо на этом твердо держаться.

(Аплодисменты)

Вопросы к Ю.Ф.Орлову:

Вопрос: Не думаете ли Вы, что если бы ООН классифицировала президентские указы с точки зрения прав человека и давала бы им соответствующую оценку, в нашей стране было бы меньше нарушений прав человека?

Ю.Ф.: Да, это было бы замечательно, но я думаю, что у них нет такого механизма. Я также думаю, что своя собственная правозащитная общественность должна давать немедленно такую оценку.

Вопрос: Что конкретно можно сделать сейчас для "Союза гонимых и жителей палаточного городка, разгромленного в конце прошлого года?"

Ю.Ф.: Я не знаю конкретно, что происходило здесь, но могу рассказать, как решаются такого рода проблемы там, в США. Там сразу же начинается кампания в прессе с целью поднять на защиту прав общественное мнение, даже если нарушены права одного человека. Сначала об этом пишут газеты, затем начинают идти пожертвования. Такой случай был недавно с одной женщиной, и она в конце концов была очень хорошо устроена. К сожалению, я не знаком с вашим случаем, но прежде всего надо было дать жилье, после чего необходимо разбираться с каждым делом.

А.А.Нейфак. (Московская Хельсинкская группа)

Сравнивая проблемы нашего правозащитного движения, о которых сегодня говорил Юрий Федорович Орлов, и проблемы американских правозащитников, я вижу между ними существенную разницу. То, что происходит у нас – это борьба против неравенства перед законом. Так, например, имела сталинская конституция, вполне приличная, и если бы она всеми выполнялась, никаких безобразий бы не было. У американцев нет этой проблемы. Там люди в общем действительно равны перед законом, и им не приходится это равенство отстаивать. Но есть еще и неравенство по рождению: одни рождаются черными, другие белыми, одни рождаются богатыми, другие бедными, одни – умными, другие – глупыми. Тут возникает довольно непростой вопрос: а нужно ли нам добиваться вот такого равенства? У нас оно во многом было: и умные и глупые, и ленивые, и трудолюбивые получали одинаковые деньги, причем это неравенство по рождению у нас компенсировалось на в пользу нашей экономики. Только сейчас все догадались, что так нельзя, что нужна система конкуренции, что это неравенство будет сохраняться еще очень долго. Поэтому мы отказы-

ваемся от борьбы с этим неравенством "от природы", от призывов, чтобы "все были равны", чтобы "все поделить" – эти "простые" подходы вовсе не есть решение проблем. Но вот равенство перед законом – это та задача, которая всегда стояла перед нашим правозащитным движением, она остается и сейчас.

К.Любарский (Мюнхен)

Завтра будет мой доклад, но сейчас я хотел бы выступить по докладу Орлова и тем репликам, которые раздавались с мест. Я понимаю, на какое опасное и тяжелое мероприятие решились организаторы семинара, потому что проводить теоретический, философский семинар в накаленной стране, когда у каждого что-то болит, кажется как-то нелепо, бессмысленно. Мы говорим о философии, а меня вот из квартиры выкинули, меня работы лишили, мне есть нечего... И я понимаю людей, которые сейчас сюда приходят и говорят: "Да что вы делаете, о чем вы говорите?" Это, действительно, понятно по-человечески. Понятно, и в то же время, простите меня, неправильно.

Я понимаю, что у меня меньше моральных прав здесь говорить, чем у всех вас, потому что у меня, может, нет таких проблем, которые есть у каждого из вас, но я все равно живу в этой стране, где бы я ни был. И позвольте мне все же сказать, что вот этот теоретический философский семинар – он на самом деле ну жен не только МХГ, которая его организовала, он нужен и каждому из вас, только вы это, может, не все понимаете.

Вот тут Убожко и другие говорили, что народ победит со временем, в этом году или через полгода, и тогда у нас будет демократия, и будет хорошо. Вы знаете, не будет хорошо, потому что я боюсь, когда народ победит, может быть хуже. Потому что мне важно, какой народ победит. И когда правозащитники победят – может быть хуже. Была в Грузии, да и есть сейчас группа, которая называется Хельсинкской группой, потом называлась Хельсинкский союз. Она пришла к власти, этот народ победил. Председатель Хельсинкского союза Звиад Гамсахурдиа – Председатель Президиума Верховного Совета Грузии. А кто нарушает сейчас права национальных меньшинств в той же самой Грузии?

Вы думаете, что мы придем к власти и будем замечательно все делать? Мы все дикие люди, мы все думаем, что права человека – это наши права, это мои собственные права. И всегда можно будет найти такого, которому будет хуже и который про ваши нарушенные права скажет: "Вы здесь занимаетесь ерундой". Если так мы будем рассуждать – кому хуже? – мы никогда ничего не поймем и не сделаем. Нам, к сожалению, приходится заниматься, помимо всего прочего, еще и философией, какими-то общими принципами, которые бы построили наше государство как правовое. Сегодня это ничего не сделает, но завтра, через 5 лет, через 10 лет, когда этот самый народ будет у власти, он должен уметь это государство строить.

Мы вот все сейчас ругаем президента, и правильно ругаем за idiotские указы, которые он издает. Мы не будем заниматься психологией президента, почему он это делает. Но, кроме всего прочего, потому, что он безграмотен юридически, он не понимает, что такое права человека. Институт государства и права создает плохой проект союзного договора, по которому народы должны жить счастливо в будущем – вовсе не потому, что он кому-то пытается угодить, а просто потому, что юристы в этом институте совершенно безграмотны, они не понимают, что такое права чело века.

Мы должны сейчас, находясь в этой ситуации, попытаться объяснить друг другу: а что же такое права человека? Ведь далеко не каждые "права" являются на самом деле правами человека. Так, нет такого "права человека" разбивать палаточный городок там, где ему хочется. Это уже идет по другой линии, не имеющей никакого отношения к правам человека, – по линии коммунального хозяйства, если хотите. Мы пугаем милосердие и права человека.

Знаете, есть страны, в которых права человека соблюдаются полностью, скажем, из которой я приехал, – Германия. Там права человека соблюдаются, но это не исключает милосердия, потому что есть люди, которые в нем нуждаются. Не так, как здесь, конечно, но тоже нуждаются. И не нужно смешивать эти вещи.

Политика. Политика тоже очень тесно связана с правами человека, но это совсем не одно и то же. Что мы сейчас здесь говорим о "Демократической России", о КПСС и т.д., – это вещи важные, но опять же не то, о чем мы должны здесь говорить.

Между прочим, мы тут говорили о "борьбе с абсолютным злом", т.е. чтобы правозащитник боролся с абсолютным злом. Вы знаете, когда правозащитники станут бороться с абсолютным злом, они перестанут быть правозащитниками. Вы тогда будете правозащитниками, когда вы будете бороться за права КПСС. Вы можете меня сейчас освистать, но я могу вам сказать, что если завтра КПСС будут гнать и запрещать, то мы будем ее защищать, мы обязаны ее защищать. Потому что если мы сейчас выгоним КПСС, то затем спросим: "Кто следующий?" Тогда и вас всех мы будем гнать. Ведь в том и состоит идея правозащиты, чтобы каждого защищать, даже того, кто вам не нравится. А кто нравится, того вы и так будете защищать, для этого не нужно семинара. Каждый должен чувствовать себя защищенным в этой стране.

Между прочим, одним из первых выступлений совсем недавно возрожденной Хельсинкской группы было выступление в защиту Чаушеску. Вы видели, как его "судили". Казалось бы, зачем Чаушеску защищать? Его нужно защищать, потому что режим Илиеску начал с казни Чаушеску, мы видим, что он делает сейчас, а кончит еще худшим. Это должно быть уроком для всех.

Я вас призываю сейчас: давайте подумаем над тем, что такое правозащита, что такое права человека, как нам всем научиться юридическому мышлению, пониманию того, что сухие законы и фор мулы, принимаемые Верховным Советом, – это не просто слова, это то, с чем нам завтра жить. И давайте здесь не будем

друг друга упрекать и требовать, чтобы меня вот лично бросились защищать. Для этого созданы постоянно действующие правозащитные структуры, группы, которые будут помогать каждому отдельному человеку. Но не с трибуны же семинара мы будем это делать. Давайте подумаем об этом, прошу вас. Спасибо.

ОПЫТ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВАЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ

Кэтрин Фицпатрик (США)

В свете нынешних бурных событий, происходящих в Советском Союзе, тема моего сообщения наверняка покажется вам экзотической. Именно поэтому я хотела бы не только дать вам общее представление о всем многообразии форм деятельности американских правозащитных групп, но и попытаться извлечь из их опыта несколько уроков и принципов, которые, возможно, окажутся полезными и в вашей ситуации, а также помогут вам в это трудное время поддерживать диалог и сотрудничество с международным правозащитным движением. Среди американских пацифистов популярна поговорка: "Думай в мировом масштабе, действуй в местном". Вы все настолько поглощены насущными "местными" проблемами своей страны, что вам, возможно, трудно поверить, что кто-то уже пережил то, что теперь переживаете вы, а многие до сих пор находятся в гораздо худшем положении.

Как вы знаете, термин "права человека" по-настоящему широко распространился только в семидесятые года, и для многих американцев он связан с деятельностью администрации Картера, когда права человека впервые стали неотъемлемой частью международной политики. Конечно, и до этого Америка руководствовалась некоторыми моральными принципами в своих международных действиях; можно вспомнить речь генерала Мак-Артура на борту корабля, где он принимал японскую капитуляцию в конце второй мировой войны, и его слова о том, что мы сражались "за свободу, справедливость и терпимость". Можно вспомнить "четыре свободы" президента Рузвельта и кампанию Вильсона за "обеспечение демократии в мире". Но борьба за свободу и за демократию, часто достигаемые посредством гражданской или мировой войны, не обязательно совпадает по своим целям и формам с борьбой за права человека, которая ведется мирным путем – хотя права человека и являются составной частью указанных ценностей. В нашей стране обычно говорят о "гражданских правах", связывая с этим понятием прежде всего борьбу за сохранение той свободы, которая провозглашена в Первой поправке к нашей Конституции, устанавливающей, что "Конгресс не должен принимать никаких законов, которые ограничивали бы свободу слова"; с ними же связывают борьбу за равенство перед законом и требование покончить с дискриминацией негров и других меньшинств.

Многим из вас хорошо известны такие американские правозащитные группы, как "Хельсинки Уотч" (Helsinki Watch), Комитет адвокатов в поддержку прав человека (The Lawyers Committee for Human Rights), Центр Демократии при Доме Свободы (Freedom House the Center for Democracy) или Международная лига прав человека (The International League for Human Rights). На самом деле эти международные группы составляют лишь малую часть американского правозащитного движения и среди них лишь немногие имеют серьезные программы, касающиеся других стран. Когда в 1981 году генерал КГБ Цвигун заявил, что в США "действует свыше 400 подрывных центров", прикрывающихся "правами человека", мы так и не смогли понять, что именно он подсчитывал: или эти центры были настолько замаскированными, что мы никогда о них вообще не слыхали, или, возможно, он учел все отделения мощного движения в защиту советских евреев – даже расположенные в маленьких провинциальных городках.

Лариса Богораз и другие наверняка помнят, как несколько лет назад, во время первой встречи американской Хельсинкской группы с комиссией Бурацкогого, советские официальные лица обвиняли американцев в том, что те не озабочены ужасающим положением с правами человека в их собственной стране, предпочитая выискивать ошибки других государств. Это обвинение привело американцев в полное недоумение, поскольку в Америке существует целая система из тысяч организаций – частных и государственных, местных и общенациональных, а также сеть других официальных и неофициальных структур, пронизывающих все наше общество, которые активно и постоянно защищают гражданские права американцев. Выяснилось, что советские представители никогда не слыхали об Американском союзе гражданских свобод (American Civil Liberties Union). Небольшие группы, посвятившие себя правам человека в других странах, – это исключение. Эти группы не пытаются дублировать великое множество других, которые занимаются проблемами прав человека в США, однако и они стремятся прилагать международные принципы и использовать международное давление в тех случаях, когда какая-нибудь внутриамериканская проблема из области прав человека не поддается решению внутри страны.

Большинство американских правозащитных организаций концентрируют свое внимание на проблеме свободы слова и других конституционных правах и трудятся над тем, чтобы покончить с дискриминацией негров и других национальных меньшинств. Я буду говорить, главным образом, о негосударственных, или частных, организациях, однако следует иметь в виду, что на уровне городов в штатах, а также на федеральном уровне существуют актив но работавшие комиссии по гражданским правам, занимающиеся защитой меньшинств, предотвращением дискриминации в работе, борьбой с злоупотреблениями в отношении детей и пожилых людей и т.д. Трудно представить американское движение за гражданские права без Билля о Правах и Конституции; действительно, еще вопрос, – возможна ли вообще борьба за какие-либо права, если ей не предшествует признание существования этих прав. Именно это утверждается в преамбуле американской Конституции: "Мы считаем безусловно и несомненно истинным, что все люди созданы равными и что все они наделены их Создателем определенными неотъемлемыми правами..." Следует также упомянуть о разде-

лении государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную, которое наряду с тщательно разработанной системой сдержек и противовесов, образует тот контекст, в котором Конституция обретает смысл. При этом Верховный Суд США является не просто высшей судебной инстанцией, но независимым органом, полностью отделенным как от Конгресса, обладающего законодательными полномочиями, так и от Белого Дома, полномочного применять законы и обеспечивать их соблюдение; он полномочен определять, соответствует ли тот или иной закон Конституции, т.е. является ли он "конституционным". История Верховного Суда за последние 30 лет – это, по сути, история нашего правозащитного движения: принятые им решения затрагивают широкий круг вопросов, начиная со свободы слова и кончая абортными. Эти решения являются высшим законом страны; они образуют прецеденты, на которые можно ссылаться в любом судебном процессе.

Хотя это произошло так давно, что большинством американцев воспринимается как данность, но борьбе за права человека предшествовало бегство людей в Америку от тирании, войн и религиозной нетерпимости – сначала из Европы, а потом из Азии и других мест. Поскольку множество разных религиозных сект искало свободы на одной и той же земле, то естественно, что идея терпимости к любым убеждениям – сначала религиозным, а потом и политическим – стала активно поддерживаться и защищаться. Именно эта терпимость и уважение к различию мнений является единственным и величайшим организующим принципом нашего гражданского общества – принципом, родившимся из опыта, а не установленным законодательно. Вскоре после заселения Америки началась борьба молодой американской колонии против британского империализма. Центральной для всего американского опыта является идея о том, что если правительство тираническое, незаконное и не основанное на воле народа, то его можно свергнуть. Но в то же время, спасаясь от тирании, новые иммигранты сами стали тиранами, уничтожившими индейцев, испокон веку населявших Америку, и ввозившими черных рабов – и для того, чтобы запретить рабство, потребовалась гражданская война.

Хотя американцы, будучи нацией эмигрантов, гордятся своей терпимостью к этническим различиям, но, как легко могут заметить советские люди, они никогда не решали этнические конфликты путем территориального размежевания (вспомните неудачу индейских резерваций) или посредством предоставления отдельным территориям государственного статуса, подобного статусу советских автономных республик. Одинаковые для всех и сглаживающие все различия последствия нищеты и богатства, а также сама иммиграция уничтожили надежды на независимость отдельных национальностей. Свобода этнических общин иметь собственные школы или культурные центры и свобода наших штатов иметь собственные экономические системы, правительства и т.п. вряд ли удовлетворяют требования большинства нынешних национальных движений в СССР, хотя, как это ни парадоксально, американские штаты и этнические общины в некоторых отношениях более "свободны" в американской федеральной системе.

Многие ваши американские коллеги по современному движению за права человека скажут, что хотя их система была основана в ходе политической, и даже вооруженной борьбы за свободу и демократию, однако борьба за гражданские права – это отдельная хотя не независимая – борьба. Ее время приходит тогда, когда в качестве основы гражданского общества утверждается господство права, понимаемое как власть справедливого, не произвольного закона. Без справедливых законов, независимых судов и профессиональных адвокатов борьба за права человека – это просто элементарная борьба за гласность: предание публичной огласке сведений о преступлениях в надежде тронуть совесть или по меньшей мере вызвать замешательство власть имущих. Эта борьба имеет скорее моральный, чем юридический характер, и я думаю, что вы в Советском Союзе первыми это поняли.

Итак, три фактора, в общем чуждые советской практике, сделали возможным движение за гражданские права в Америке: 1) Наличие сильных, массовых гражданских организаций и движений, которые полностью существуют за счет благотворительных пожертвований и добровольной работы (в условиях рыночной экономики никакие правозащитные группы не могли бы существовать на "хозрасчетной основе"). 2) Феномен "адвокатов pro bono (во имя блага)" – адвокатов, услуги которых бесплатно предоставляются ради общественной пользы частными юридическими фирмами, а также наличие независимой судебной системы, предоставляющей адвокатам широкие возможности активно защищать своих клиентов в рамках состязательного процесса, включая проведение своего собственного расследования обстоятельств дела, сбор собственных доказательств, вызов свидетелей защиты и т.д.; и что самое важное, 3) Билль о Правах, и четкое, общедоступное законодательство о гражданских правах, а также ясное понимание того, чем именно деятельность по защите гражданских прав отличается от других форм юридической помощи и общественной деятельности.

В США такие гражданские права как свобода слова, печати и собраний вытекают из концепции "неотчуждаемых" "естественных прав", которыми мы обладаем от рождения и которые ничего нам не стоят: это то, что правительство может отобрать, но не может дать. За социальные же "права" надо платить: или налогами, которые, если они слишком обременительны, могут угрожать свободному предпринимательству, или принудительными мерами, вообще разрушающими экономику, или через благотворительную деятельность. Этот последний путь в основном и был избран американцами для того, чтобы обеспечить эти так называемые "права", о которых ложно утверждается, что они гарантированы во многих социалистических странах: право на жилище, медицинское обслуживание, образование и т.д., и которые остаются неотъемлемой частью надежд, возлагаемых ныне широкими массами населения СССР на свое правительство. В Америке же они даже не считаются "правами", хотя и признаются как потребности – потребности, которые должны удовле-

творяться честной социальной политикой, что в идеале достижимо обычным демократическим путем, т.е. через осуществление естественных прав. Так, по закону города Нью-Йорка власти обязаны предоставлять бездомным временное жилье; согласно федеральному закону, правительство обязано предотвращать дискриминацию меньшинств при доступе к жилью, должно обеспечивать умеренную плату за жилище для малоимущих, но не обязано предоставлять каждому постоянное жилье – к лучшему это или к худшему, но это дело свободного рынка. Неравенство, вызванное этой системой, привело ко все усиливающимся публичным дебатам о том, что подобные социальные потребности необходимо гарантировать – если не законодательно, то путем более совершенной и более демократичной социальной политики, а также о том, что обществу следует уделять меньше внимания "правым" и больше – "обязанностям и ответственностям".

Множество самых разных групп считают себя в той или иной степени вовлеченными в правозащитную деятельность. Я бы подразделила их на группы солидарности (поддержки), группы содействия (лобби), группы наблюдения (мониторинга), научно-исследовательские и образовательные группы. Естественно, что в своей повседневной работе каждая организация сочетает все эти функции, но основной упор делает на одной из них.

Общим для всех этих групп является прежде всего их юридический статус – все они зарегистрированы как независимые неприбыльные общественные организации или благотворительные группы, коммерческая деятельность которых освобождена от налогов, но допускается лишь в тех пределах, какие необходимы для того, чтобы получить средства для покрытия расходов. Этот статус предоставляется властями конкретного штата на срок от шести месяцев до одного года после подачи необходимых документов; соответствующая процедура как правило имеет регистрационный, а не разрешительный характер. При этом тематика работы группы обычно не имеет значения, поскольку право собраний как таковое гарантировано Конституцией; регистрация производится только в интересах правильного налогообложения. В соответствии с законом, неприбыльные организации не могут участвовать в предвыборных политических кампаниях и не могут заниматься пропагандой, связанной с конкретным законодательством, или деятельностью, приносящей прибыль. Если группа хочет заняться одним из этих законных видов деятельности, тогда она обязана платить налоги.

Во-вторых, общим для всех этих разных групп является их взаимная солидарность: хотя они могут резко противостоять друг другу на арене общественных дебатов, но не ставят под сомнение право каждой из них на существование и активность. Более того, всеми признается, что многообразие голосов и стилей благотворно сказывается на деле защиты прав человека.

Группа "солидарности" выбирает какое-нибудь одно дело и выступает в его поддержку независимо от всех прочих соображений. Например, Комитет в поддержку сальвадорского народа поддерживает оппозицию, а не правительство, и борется против нарушения прав человека, – всеми средствами вплоть до оказания оппозиции медицинской и финансовой помощи, про которую некоторые критики не преминут заметить, что она может попасть и в руки вооруженных партизан. Такие радикальные группы часто из принципа уклоняются от контактов и диалога с правительством или "оппонентом", боясь себя скомпрометировать, и части прибегают к драматическим театральным приемам, – например, обрызгивают кровью правительственные документы или носят по улицам изображения черепа с костями в знак протеста против недостаточного финансирования исследований по СПИДу.

Группа содействия преследует только определенный специфический интерес в ущерб всем остальным интересам – даже правам человека. Например, Лига защиты детей (Children's Defense League) будет отстаивать право ребенка на защиту от злоупотреблений, вопреки праву родителей на невмешательство в их частную жизнь; Союз в защиту советских евреев (Union of Councils for Soviet Jewry) в основном добивается права на эмиграцию для советских евреев, а не для всех граждан Советского Союза или других стран. Пытаясь повлиять на общественное мнение, группы содействия тратят значительную часть своего бюджета на проведение публичных дискуссий и на обработку Конгресса, местных властей и прессы; при этом, ради пущей эффективности, им часто приходится сводить сложные вопросы к лозунгам или кратким обращениям, в массовом порядке рассылаемым по почте, – ведь у конгрессменов нет времени на чтение длинных докладов.

Группы наблюдения, такие как, например, "Хьюман Райтс Уотч" (Human Rights Watch), большую часть своих ресурсов посвящает сбору и распространению информации, и меньшую – вербовке сторонников среди конгрессменов, хотя их связи с Конгрессом и их обстоятельные доклады играют решающую роль при подготовке многих законопроектов. Если для групп наблюдения важно день за днем наблюдать за событиями и быстро реагировать на них в печати, то научно-исследовательская организация, возможно, изучит проблему с исторической точки зрения или в контексте более широкого региона; такая организация будет также стремиться разрабатывать альтернативные законопроекты и предлагать новые политические инициативы, к которым группа наблюдения вряд ли присоединится, ибо для этого она слишком занята.

Такое разделение труда может также отражать философские различия. Некоторые группы, например, Американский союз гражданских свобод (ACLU), "Хьюман Райтс Уотч" (Human Rights Watch) или Международная Амнистия (Amnesty International) считают, что они должны посвящать свою деятельность исключительно гражданским правам, в том виде, как они определены в ее уставе, и убеждены в том, что права человека могут быть в принципе защищены при любом типе социальной системы – а капиталистическом или социалистическом. Их совершенно не заботят экономические, социальные или политические факторы, которые могут повлиять на нарушение или защиту прав человека.

Другие организации, такие как Дом Свободы (Freedom House), Американский Институт предпринима-

тельства (American Enterprise Institute) или Институт САТО считают, что хотя "наблюдение" (мониторинг) и важно, но оно ведет лишь к бесконечным поискам нарушений и злоупотреблений, взятых вне контекста общих представлений о том, каким должно быть общество. Эти организации борются за демократию и свободное предпринимательство или, наоборот, за перераспределение благ и социализм, как условия для осуществления прав человека; они рассматривают проблемы в их целостности в противоположность тем, кто придерживается узкого, прямолинейного подхода. Но эти последние резко критикуют оппонентов, смешивая воедино разные проблемы, поскольку ссылки на высшие интересы демократии или предпринимательства часто сознательно используются для того, чтобы извинить или оправдать нарушения прав человека. Например, борьба против сандинистов в Никарагуа стала более важной, чем наблюдение за нарушениями прав человека со стороны контраст; денежная помощь контраст росла, а сообщения об их жестоком обращении с гражданским населением замалчивались.

Показательным примером является то, как разные группы реагировали на убийства мирных демонстрантов в Литве. Первая группа, пикетировавшая перед зданием советского представительства в ООН, была "группа солидарности" – Кампания за мир и демократию (Campaign for Peace and Democracy), являющаяся коалицией различных пацифистских и борющихся за социальную справедливость организаций, которые сейчас в основном заняты протестом против войны в Персидском заливе, но хотели подчеркнуть, что события на Ближнем Востоке не должны отвлечь внимание мировой общественности от погрома в Прибалтике. Поскольку эти организации небольшие и радикальные, они из одного лишь принципа могут быстро провести любую акцию протеста; они подчеркнули важность пацифизма и сопротивления службе в армии, возложив красные цветы у забора представительства, что привлекло к ним внимание местного телевидения, стремившегося добавить местный штрих к получившей международную известность картине возложения цветов на похороны в Вильнюсе. Когда советские официальные лица в оправдание сослались на притеснения русскоязычных меньшинств, представители группы ответили, что они об этом ничего не знают, но, естественно, были бы возмущены такими притеснениями, если они имели место; однако группа в принципе поддерживает борьбу литовцев: ведь, в конце концов, Америка тоже притесняет свои меньшинства – может ли Советский Союз по этой причине оккупировать Америку?

Следующую из откликнувшихся на события в Литве групп – Литовский Информационный Центр (Lithuanian Information Center) – можно отнести к группам содействия; она организовала большую демонстрацию, в которой участвовали главным образом американцы литовского происхождения. Эта организация, конечно, располагала достаточно подробной информацией и ее представители могли гораздо более аргументированно спорить с советскими официальными лицами относительно договоров и оккупации 1940 года. Их протесты были подробно освещены в прессе и по телевидению.

"Хельсинки Уотч", как группа наблюдения, не поднимала ни проблем пацифизма, ни проблемы национального самоопределения (считая, что эта проблема плохо отражена в международном праве и относится скорее к области политики, чем прав человека), а просто исследовала вопрос: было ли необходимо применять силу против мирных демонстрантов? Придя к определенному выводу, группа опубликовала в The New York Times статью, выражающую ее мнение, где было подчеркнуто сходство этого и предыдущих случаев силового вмешательства в других советских республиках. Хотя членов этой группы не показывали по телевизору с розами и плакатами, они, вероятно, более успешно повлияли на тех, кто принимает важные решения в Конгрессе и правительстве, даже если и разочаровали своих литовских коллег тем, что не выступили прямо и твердо в защиту независимости Прибалтики.

Старейшая и наиболее известная правозащитная группа, отметившая в прошлом году свое семидесятилетие, – это Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union) или АСГС. Его штаб-квартира находится в Нью-Йорке, а отделения есть в столицах почти всех штатов; он располагает услугами более чем 400 адвокатов, защищающих в судах интересы пострадавших от нарушения гражданских прав. Союз широко известен благодаря своей деятельности по защите свобод, предусмотренных Первой поправкой и Биллем о правах, включая защиту прав обвиняемых в совершении уголовных преступлений, а также осуществление ряда других близких проектов: союз защищает лиц, зараженных СПИДом; работает над отменой законов, устанавливающих смертную казнь; представляет интересы детей в судебных делах, связанных с воспитанием, защищая их от злоупотреблений и дурного обращения; стремится защищать эмигрантов и иностранцев от федеральных властей; борется против всех форм дискриминации гомосексуалистов.

Сторонники АСГС убеждены, что он является оплотом наших конституционных свобод, которые лишатся смысла, если мы не будем бороться за них каждый день и в любой ситуации. Оппоненты АСГС, включая Президента Буша, называют его "лоббистами преступников", потому что он защищает даже торговцев наркотиками, когда нарушаются их процессуальные права. В течении ряда лет АСГС атакуют слева и справа, а он принимает участие во многих спорных делах – во имя конституционных принципов. Наиболее примечательно дело Скоки, когда один пригородный муниципалитет, среди членов которого было много евреев, в том числе и спасшихся от уничтожения во время второй мировой войны, хотел отменить выданное местному отделению нацистской партии разрешение на проведение демонстрации. АСГС, в то время возглавляемая Арией Найером, который, как многие из вас знают, теперь возглавляет "Хьюман Райтс Уотч", отстаивал право любой группы – сколь бы неприглядны ни были ее взгляды – мирно собираться и свободно высказываться. Эта позиция привела к выходу из АСГС многих членов и потере им финансовой поддержки. АСГС защищал также левых радикалов, которые сожгли американский флаг, протестуя против политики

правительства; ныне он стремится защищать арабов, живущих в Америке, от злоупотреблений в ходе осуществления широкомасштабных программ ФБР, сотрудники которого провели беседы более чем с 200 лидерами арабской общины с целью сбора информации о терроризме. Вероятно, именно данью многолетней работе АСГС явилось то обстоятельство, что ФБР было вынуждено дать своим агентам, проводящим подобные беседы, указание не задавать вопросов о личных политических взглядах и партийной принадлежности опрошиваемых.

Тему какого бы проекта АСГС ни взять, найдутся десятки других организаций, которые работают только над этой единственной проблемой. Среди этих организаций: Национальная Ассоциация развития цветных народов (National Association for the Advancement of Colored Peoples (NAACP)); Проект правовой защиты южных нищих (Southern Poverty Law Project), группы, защищающие права пуэрто-риканцев и испанцев, проживающих в Америке; Gay Men's Health Crisis; Лига защиты детей (Children's Defense League) и т. д. Общество правовой защиты (Legal Defense Society), имеющее свои отделения или дочерние организации во многих городах, предоставляет бесплатную юридическую помощь меньшинствам и беднякам; иногда их работа заключается не столько в защите "гражданских прав", сколько в том, чтобы помочь уязвимым членам общества справиться с правительственной бюрократией. Другие организации, такие как Центр общественных перемен (Center for Community Change), осуществляют защиту прав в рамках своих более широких программ, направленных на то, чтобы способствовать социальной справедливости и развитию.

Американское движение за мир, выступающее против всеобщей воинской повинности, милитаризма и использования войны как средства разрешения конфликтов – еще одна область, где проявляется большая забота о правах человека. Лига противников войны (War Resistor's League), возникшая в начале века, выступает против всеобщей воинской повинности и за право отказа от военной службы по соображениям совести. В результате многолетней борьбы ей удалось добиться ряда решений Верховного суда, которые официально признали идею отказа от военной службы по религиозным соображениям сначала для некоторых "мирных церквей" ("peace churches") таких, как Адвентисты седьмого Дня, а потом для последователей всех других религий, включая евреев и католиков, чьи основные традиции не обязательно пацифистские; и, наконец, в 1960-е, последовало официальное признание права отказа от военной службы по соображениям совести для представителей групп любых убеждений, включая пацифизм. Эта организация теперь занимается защитой прав призывников, отказывающихся идти воевать в Персидский залив.

Тюремный проект (Prison Project) АСГС, Фонд Кларка (Clark Foundation), Институт правосудия Вера (Vera Institute of Justice) и многие другие комитеты занимаются защитой прав заключенных и улучшением условий их содержания. В отличие от советской пенитенциарной системы, тюремный режим в основном устанавливается не федеральными властями, а самостоятельно каждым штатом, и поэтому его условия сильно меняются от города к го роду. Борьба ведется главным образом через суды; адвокаты возбуждают дело в защиту интересов отдельных лиц или групп заключенных, и иногда добиваются судебного решения, предписывающего ответственному тюремным чиновникам улучшить условия содержания.

Я могла упомянуть еще многие другие организации, но некоторые из вас уже приобрели значительный опыт сотрудничества с американскими правозащитными группами в рамках деятельности советско-американской Проектной группы по правам человека (ПГПЧ) при Международном Фонде "За выживание и развитие человечества" (International Foundation for the Survival and Development of Humanity); они могут рассказать о том, как работают эти группы в тех терминах, которые будут вам понятнее как их соотечественникам. Я отсылаю вас, например, к доктору Эрнесту Аметистову, ныне находящемуся в научной командировке в США по приглашению ПГПЧ, который заканчивает изучение американской системы защиты прав и свобод.

Независимо от стиля и философии своей деятельности, наши американские группы используют труд и профессионалов, и добровольцев-энтузиастов. Я особенно хотела бы подчеркнуть для советских участников движения за права человека важность уважения к тому вкладу, который любой человек, в меру своих сил и возможностей, вносит в это движение. Я часто замечала своего рода снобизм: с одной стороны, некоторые советские юристы утверждали, что только юристы компетентны заниматься правозащитной деятельностью, – хотя советское юридическое образование вряд ли могло обеспечить им достаточную квалификацию, оправдывающую подобное утверждение, если учесть, что большинство учебников писалось во времена Сталина. В отличие от Гватемалы, Сингапура или Кении борьбу за права человека в СССР исторически вели не представители юридической профессии, а физики и филологи. Мужественный адвокат – покойная Софья Васильевна Калистратова – была одним из немногих исключений. С другой стороны, некоторые бывшие политические узники совести считают, что только они не вступали ни в какие безнравственные компромиссы с властями и только у них есть моральное право бороться за права человека, – хотя их суровый опыт иногда может мешать им видеть возможности для диалога или конструктивного сотрудничества с реформаторами. Хотя каждый должен воздать им должное за обретенную свободу, но поскольку в оппозиции времен перестройки участвует так много 40-летних и 50-летних, то можно проглядеть ценности более молодых, неопытных и необразованных людей.

Я призываю вас создавать дух терпимости по отношению ко всем группам людей, независимо от уровня их компетентности, потому что без этого ваше движение невозможно. Вы должны искать пути для поощрения любого желающего. В нашей стране бедные негры с Юга, богатые нью-йоркские адвокаты и белые студенты, представители средних слоев Западного побережья, объединили свои усилия в борьбе за десегра-

гацию в школах. Движение, состоящее только из тех, кто никогда не вступал ни в какие компромиссы с властями, будет крайне малочисленно в любой стране, даже в Америке. Движение, состоящее только из профессионалов адвокатов, – это вовсе не движение, это – официальное учреждение, или – в худшем случае – бюрократическая контора. А движение, состоящее только из новобранцев-энтузиастов, никогда не достигнет той степени профессионализма, которая необходима для того, чтобы участвовать во все более сложных битвах.

Наибольшее различие между правозащитными движениями в наших странах исторически заключается в том, что американское движение не искало для себя вдохновения в международном праве и лишь недавно несколько групп начали пытаться использовать международный форум для того, чтобы помочь защитить права меньшинств и заключенных. Недавний опрос общественного мнения показал, что многие американцы не только не знают, что такое Хельсинкские соглашения, но даже не знают, что Хельсинки столица Финляндии. Американцы уверены, что лучшей, самой эффективной защиты прав человека можно добиться дома у себя, через систему национального законодательства и защиту общественных групп, которые передают гласности случаи злоупотреблений и пытаются "обрабатывать" своих конгрессменов. Ни одно из основных прав человека в США не было обеспечено путем апелляции к международному праву, ни одна серьезная проблема гражданских прав в Америке не была решена на международном уровне путем переговоров. На самом деле, американские правозащитники считают, что их собственная Конституция обеспечивает им лучшую защиту, чем международное право, которое они часто вовсе считают не верховным авторитетом, а скорее результатом компромисса между различными социальными системами, обусловленного геополитическими интересами. В конце концов, международное право не защищает свободу слова в той степени, в которой это предусмотрено Первой поправкой к нашей Конституции, поскольку оно допускает ограничение этой свободы в целях охраны общественного порядка или для того, чтобы предотвратить подстрекательство к вражде и насилию (причем основания для таких ограничений сформулированы в более широких терминах, чем в советском законодательстве). Еще существеннее то, что международные пакты не защищают свободу предпринимательства и частную собственность, которые, как можно показать, являются важными условиями практического осуществления свобода слова и собраний, а также свободы от вмешательства в частную жизнь. Таковы причины, по которым Конгресс США не ратифицировал международные пакты о политических и социальных правах; США не захотели связывать себя стандартами, верховный авторитет которых сомнителен, и которые ниже американских.

Американцы весьма удивились бы, узнав что в глазах советских граждан ответственность за обеспечение продовольствием, жильем, а также за распространение демократической прессы, отражающей общественное мнение, лежит на Советах народных депутатов. Если бы муниципальный совет какого-нибудь американского города наделил себя такими функциями, это вызвало бы протест, ибо по мнению американцев подобные задачи должны решаться частным, неправительственным сектором и свободным рынком; муниципальный же совет должен заниматься уходом за дорогами, уборкой мусора, управлением школами и защитой меньшинств от дискриминации.

Однако в такой узости взглядов американцев на функции органов власти заключается нечто, чему советские люди могли бы поучиться. Лучшая защита прав человека в любой стране осуществляется ее собственными гражданами. В тех случаях, когда для освобождения поработанного народа используется внешнее вмешательство, особенно военное, то редко бывает, что облагодествованный народ будет благодарен за обретенную свободу и впоследствии редко может защищать ее уже собственными силами; более того, враги внутри собственной страны всегда могут объявить благодетелей "иностранными агентами". Международное право не имеет принудительной силы, не располагает органами принуждения, – у него, как и у римского папы, нет полков и дивизий, готовых защищать права человека; кроме того, в международном праве крайне неудовлетворительно определены некоторые понятия первостепенной важности, например "национальное самоопределение".

По моему мнению, крайне опрометчиво провозглашать – как это делают многие советские законодательные органы – что если нормами международного права предусмотрены более широкие гарантии некоего права, то эти нормы имеют безусловный приоритет над внутренним законодательством. Это заведомо пустые декларации, поскольку вряд ли можно что-нибудь сделать для того, чтобы обеспечить действенность этих намеренно широких гарантий или даже просто настаивать на их соблюдении – например, в международном праве нет почти ничего, что можно было бы конкретно применить к вопросу о независимости прибалтийских республик; даже в недавних венском и копенгагенском итоговых документах говорится о правах меньшинств, но не о правах наций. Гораздо полезнее обратить усилия на достижение как можно более высоких правовых стандартов в вашей собственной стране, с помощью законов и правовых институтов, в большей степени учитывающих реальность. Мое самое настоятельное пожелание советскому правозащитному движению заключается в том, чтобы оно начало избавляться от надежд на то, что международное право решит его исключительно сложные проблемы в области прав человека, тогда как весь остальной мир поглощен решением собственных сложных проблем.

Я напому вам, что большинство случаев лишения свободы по политическим мотивам или отказа в эмиграции, были решены не с помощью закона – внутреннего или международного, – а благодаря убедительному ораторскому искусству – обычно на заседаниях конференций, посвященных соблюдению Хельсинкских соглашений, которые, в конечном счете, – не связывающий юридический договор, а только декла-

рация намерений. В тех немногих за последние годы случаях, когда какие-то страны получали независимость, это происходило не с помощью механизмов защиты прав человека, но благодаря политическому урегулированию со стороны великих держав. Суд в Гааге не правомочен рассматривать дела, касающиеся частных лиц, или провозглашать государственность, и может только решать споры между уже признанными государствами на основе действующих договоров – например, систематическое применение пыток попадает под соответствующую конвенцию, но национальные конфликты никак не могут быть рассмотрены этим судом без полного пересмотра его статуса – который занял бы годы.

Попробуйте вспомнить хотя бы один случай, когда Комиссия ООН по правам человека включила бы в свою повестку дня – или рассмотрела – проблемы прав человека в СССР, и вы припомните, возможно, только случай с Сахаровым или один доклад, посвященный психиатрическим злоупотреблениям, – и это несмотря на буквально сотни тысяч обращений, которые советские граждане направили в эту организацию за последние 20 лет. Московская Хельсинкская группа недавно выступила с призывом к тому, что бы международное право и международные организации использовали все доступные средства в ответ на события в Литве. Но когда мы пристально рассмотрим механизмы, которые имеются здесь в виду, то увидим, что речь идет о таких слабых мерах, как право одной из участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) требовать от представителей другого государства – участника СБСЕ – рассмотрения представленных ему жалоб – а это не приносящий немедленного результата и к тому же не подлежащий огласке процесс. Все по-настоящему действенные меры – экономические или политические санкции – предпринимаются не потому, что они предусмотрены в международном праве, а по политическому решению правительств, для которых на первом плане стоят их политические или военные интересы, и которые часто занимаются защитой прав человека только когда это им удобно.

Я воздаю должное уважение 30-летней борьбе в СССР, для которой ссылки на международное право служили опорой и мощной движущей силой, и благодаря которой сам принцип прав человека стал не подлежащим обсуждению. Когда президент Горбачев заявляет о грубых нарушениях прав человека в отношении русского населения Литвы, он уже не оспаривает ценности прав человека самих по себе, которые прежде обычно рассматривались как буржуазная концепция, – он переносит поле битвы в сферу истолкования фактов и информации. Но я убеждена, ваше постоянное апеллирование к международным организациям себя исчерпало, подобно тому, как наше собственное движение подошло к кризису в 1970-х, когда, говоря словами из книги Арии Найера, мы "исчерпали возможности судебного решения проблемы социальных преобразований", и начали открывать, что насущные для нас проблемы расизма, несправедливости и бедности не могут быть решены только путем судебных процессов по правам человека; несмотря на значительно улучшившееся положение с гражданскими правами черных, смертность среди черных мужчин в текущем году увеличилась почти на 60% из-за вооруженного насилия, СПИДа и наркотиков.

Вместо того, чтобы обращаться в международные органы, вам нужно развивать правозащитные структуры у себя дома. Но я знаю, что вам всегда не хватает ни времени, ни людей. У вас нет условий для образования сословия юристов и установления господства права. Поэтому для начала, пока вы еще не стали профессиональными адвокатами, или "уличными юристами" ("curbside Lawyers"), как покойный И.А.Стоун называл активистов правозащитного движения, наблюдающих за политическими демонстрациями, я настоятельно советую вам стать хорошими репортерами. Без сети сбора достоверной информации международное сообщество ни в чем никогда не сможет принять участие. Эта сеть должна вбирать в себя все, начиная от различных, выражающих какую-нибудь одну точку зрения, заявлений по злободневным вопросам, коллективных выражений солидарности и выступлений в чью-нибудь защиту, – вплоть до исчерпывающих обобщающих отчетов, предлагаемых вниманию общественности.

Любого можно научить добывать факты и собирать свидетельства, отражающие точки зрения всех сторон конфликта, и если организация желает приобрести доверие, она должна вникать во все серьезные события, вроде событий в Литве; при этом следует интервьюировать литовских должностных лиц; рядовых литовцев; русских заводских рабочих; функционеров Компартии; Комитет общественного спасения; армию; и, наконец, правительственных чиновников в Москве.

Именно это – применительно к любой ситуации – делают по мере возможности группы, подобные Хьюман Райтс Уотч; например, группа "Врачи за права человека" (Physicians for Human Rights) сообщила, как об использовании Ираком химического оружия против курдов, так и о том, что экономическая блокада Ирака, предпринятая в рамках чрезвычайных санкций, оставила медицинскую систему этой страны неподготовленной к войне; группа "Америкас Уотч" информировала общественность как о закрытии газет сандинистами, так и о взрывах автобусов силами контраста.

Сосредоточенность на сборе и распространении информации подразумевает отстранение от таких отвлекающих факторов, как внутренние политические споры и социальные акции. Я убеждена, что борьба за права человека – это не борьба за достижение власти или за участие в ней (хотя некоторые правозащитники имеют право добиваться правительственных должностей для того, чтобы разработать законодательство о гражданских правах). Наоборот, это всегда – борьба в защиту слабых и безвластных от власти имущих, это деятельность посредника между стоящими у власти и теми, кто ее не имеет.

Мы теперь видим, что многие из людей, называвших себя "правозащитниками" или узниками совести в Советском Союзе, которыми восхищались на Западе как борцами за права человека, на самом деле были политиками, боровшимися за власть – с верой в то, что эта власть в их руках будет более демократичной и гу-

манной. В этом нет абсолютно ничего плохого; и это очень важно для страны, что такие люди, – помимо прочего, занявшие свое положение путем свободных выборов – пришли к власти. Но нужно четко отличать законную борьбу за демократию, свободу и независимость от борьбы за гражданские права, которая ныне оказалась отгеснена почти на самую периферию политической жизни.

В США, общественные группы (часто преследующие какой-нибудь один интерес), играют очень большую роль, образуя нечто вроде буфера или средостения между избирателями и теми, кто пришел к власти по партийным избирательным спискам. Приход к власти всегда сопряжен с компромиссами, и даже лучшие конгрессмены нуждаются в нападении о высшем долге. На мой взгляд, для вашей страны большое несчастье, что такая буферная зона не была создана в должной мере, и мощные безжалостные волны надежд и гнева доведенного до отчаяния народа непосредственно обрушиваются на хрупкие и слабые структуры еще неопытного демократического правительства. Много хороших людей из неформальных организаций перешло на государственные должности, – оставляя свое дело без опытных работников, а себя – без лестницы, на которой они могли бы нисходить к простым людям с высот власти. Для вашей страны нет ничего важнее задачи, чем создание ряда независимых, негосударственных, бесприбыльных групп, которые посвятят себя НЕ борьбе за власть или партийное влияние, а наблюдению за событиями и защите гражданских прав; которые будут стоять вне политики и служить связующим звеном между обществом и правительством.

Повторяю еще раз, что международное гуманитарное право, каким бы вдохновляющим и достойным оно не было, пока слабо. Оно возникло после Нюрнбергского процесса – из желания мирового сообщества предотвратить преступления против человечества, в особенности расизм, и защитить меньшинства. В результате национально-освободительной борьбы африканских колоний в нем появились нормы, касающиеся самоопределения, но без каких-либо четких формальных или практических указаний на то, что какие "само" и что именно могут "определять". Но международное право, которое мы применяем в правозащитном движении, существует лишь около 40 лет и может быть улучшено – и это в ваших силах. Но в отличие от геноцида против евреев во время второй мировой войны, тяжкие преступления коммунистического и сталинского террора никогда не были официально осуждены на международном уровне, хотя, по-видимому, они привели к большому количеству жертв и продолжались дальше; конвенции о геноциде, например, не содержат упоминаний о репрессиях по политическим мотивам. Но для этого существуют объективные причины: преступления тоталитаризма долго и умно скрывались; идеи расизма недолговечны в мире многих рас, но идеи достижения социальной справедливости политическими средствами продолжают находить многих приверженцев; в отличие от жертв нацистского геноцида, жертвы сталинизма сами часто оказываются палачами, что делает неясным их правовой статус; и, наконец, что самое страшное, во многих местах наследники Сталина еще у власти. Кроме того, Нюрнбергский процесс состоялся тогда, когда война была закончена и победители ясно определены. Не если доядерный мир был готов бороться с Гитлером, то демократические страны были вовсе не готовы воевать со сталинизмом, как ярко показали текущие события, а это значит, что борьба будет мирной и будет вестись главным образом здесь, а не за рубежом. Я верю, что сила этой борьбы – в частности, за ликвидацию последствий сталинских преступлений против национальностей – ведь они затрагивают 1/6 часть земной поверхности – может оказаться достаточной для того, чтобы переписать нормы международного права – к пользе всех народов. Но вы – единственные, кто может это сделать, и чтобы получить мировое признание, вы должны делать это, проявляя терпимость к инакомыслию и различиям между вами, и не прибегая к насилию.

Вопросы к К.Фицпатрик

Вопрос: Как Вы относитесь к смертной казни?

Ф.: В отношении американцев к смертной казни и к проблеме абортс наблюдается их отступление от своих принципов. Они опираются обычно на "естественные" права, но признают их лишь с момента рождения. Американцы часто нарушают свои принципы во имя якобы "высшей" цели, например, это борьба с преступностью, борьба за порядок. Хотя статистика показывает, что смертная казнь не ведет во многих штатах к снижению преступности, а иногда бывает и наоборот, люди перестают вообще бояться. Большинство правозащитных организаций осуждают смертную казнь и борются против нее.

Вопрос (Л.И.Богораз): Соединенные Штаты не ратифицировали международные Пакты по правам человека. Как к этому относятся общественные правозащитные организации?

Ф.: Некоторые группы выступают за ратификацию, например Комитет по правам человека, объединяющий Хельсинкскую и другие группы. Они считают, что хотя эти стандарты может быть и не самые высокие, по сравнению с американским правом, но это уровень, ниже которого нельзя опускаться.

Вопрос: По какому принципу права человека делятся на естественные и неестественные?

Ф.: Я могу объяснить это очень грубо. Ребенок рождается, начинает кричать – это и есть свобода слова, ему не надо платить за это, его родители ничего не платят. Но он рождается без дома, без крыши над головой и кому-то надо платить за этот дом. Либо он сам себе его построит, либо его построит родители, либо, если он инвалид, за него должны этот дом построить, т.е. кому-то надо за это платить. Надо выработать политику, а не право: как платить за этот дом? Милосердием, налогами, насилием...

Вопрос: Должны ли мы бороться за приоритет международных правовых норм над нашим внутренним законодательством?

Ф.: Вы можете за это бороться, потому что в некоторых случаях это имеет смысл: например, что каса-

ется военных патрулей на улицах и входа в дом без санкции прокурора. Это явное нарушение международных пактов и можно на них ссылаться. Но этого мало, особенно если это касается личных прав, например права на эмиграцию. Но в международном праве говорится о свободе передвижения, свободе выезда, там не говорится, что для этого необходимо приглашение родственников. Это такая деталь, которой не может быть в международном праве, и вы в своем законодательстве должны такие подробности предусмотреть.

Вопрос: Как Вы относитесь к тому факту, что многие правозащитники у нас стали депутатами и работают в парламентах?

Ф.: Многие люди у вас ушли не только от правозащитной, но и вообще от общественной деятельности, став депутатам. И здесь есть некая опасность: эти люди помогают своей стране, но они могут забыть свои корни. Они должны заниматься в парламенте не только правами человека, но и экономическими и политическими проблемами. В ваших условиях правозащитник, вошедший в парламент, должен попытаться представить туда и отстоять законопроекты по правам человека, а если он не может с этим справиться, ему наверное лучше остаться в общественной организации.

Вопрос (Л.И.Богораз): Сейчас, когда контакты между нашими странами увеличились, многие хотят съездить в гости к своим друзьям там и получают отказ на въезд в США. Мотивом отказа могут быть такие вещи, как недостаточная укорененность в своей стране, т.е. очень произвольная трактовка. Считаете ли Вы это нарушением свобода передвижения?

Ф.: Общественные группы у нас борются за отмену этого правила и за увеличение количества беженцев, но официальный закон гласит, что мы воспринимаем любого приехавшего в Америку человека как возможного иммигранта, потому что мы все сами иммигранты.

А.Ю.Даниэль ("Мемориал")

Сообщение

Уважаемые друзья, я, конечно, поставлен в несколько невыгодное положение, мне приходится выступать после блестящего, и, по-моему, являющегося вершиной сегодняшнего дня, насыщенного информацией, концепциями доклада Фицпатрик, но у меня даже не доклад, а некое информационное сообщение об исследовательской программе, сформированной научным центром "Мемориала" и посвященной изучению истории правозащитного движения в 60-80-х годах. Я позволю себе предпослать своей чистой информации не сколько концептуальных замечаний.

Во-первых, я хочу сказать, что опыт правозащитного движения в СССР в эти годы не только, на мой взгляд, определил сегодняшнюю деятельность правозащитных групп, но и в значительной степени вообще повлиял на эволюцию правозащитной идеи в мире и в каком-то смысле стал одним из факторов, сформировавшим общественный идеал конца XX века. Поэтому подобно тому, как идея демократии сформировала общественный идеал конца 18-го, начала 19-го века, так видимо правозащитная идея, быть может, сформировала общественный идеал конца 20-го, начала 21-го столетия. Поэтому я не буду больше говорить о важности изучения этой темы, и скажу лишь о следующем соображении, которое, как мне кажется, надо иметь в виду. Оно здесь немного затрагивалось в спонтанной дискуссии. Дело в том, что движение правозащитников 65-го – 85-го или, если угодно, 65-го – 87-го годов, таковы временные рамки нашей исследовательской программы, – это движение было погружено в более широкое движение, которое, за неимением лучшего термина, принято называть движением диссидентским. А диссидентство, в свою очередь, – это лишь часть того сложного и многообразного феномена, который называется инакомыслием в СССР, и которое охватывает период, выходящий за рамки этого временного периода и выходящий за рамки диссидентского движения в целом.

Поэтому, понимая всю разницу между терминами "правозащитник", "диссидент" и "инакомыслящий", и признавая необходимость каких-то дефиниций, связанных с этими терминами, по крайней мере, для целей научного анализа, мы должны понимать, что между этими тремя категориями четкой грани в реальной жизни, в реальной истории не было. И изучая историю правозащитной деятельности в СССР до 87-го года, мы должны затрагивать историю и диссидентства, и, шире, историю инакомыслия в СССР.

Теперь несколько слов о специфике проблем, с которыми сталкивается исследователь, приступая к работе над этой темой, и с которой мы сразу же и столкнулись. Это, прежде всего, специфика источниковой базы. Я назову несколько моментов. Одним из основных источников по истории правозащитного движения в СССР является явление уникальное, как я понимаю, уникальное и в мировой истории, по крайней мере, близких аналогий я найти не могу, это – самиздат. И источниковедение, как наука, на самом деле не имеет методик, как работать с самиздатскими текстами. Всерьез никто ни здесь, ни, насколько мне известно, на Западе, методик работы с самиздатскими текстами как с текстами, не разрабатывал. Быть может только та отрасль источниковедения, которая занимается средневековым, способна нам дать какие-то близкие методики. А отсутствие методик сразу же ставит перед нами целый ряд проблем. Проблема идентичности текста, например. Проблема полноты, авторства, в ряде случаев. И на самом деле, первое, что необходимо сделать, это, конечно, создать какие-то методологические разработки, по этой истории.

Второй момент, связанный с этой группой источников, состоит в том, что хотя большинство текстов самиздата и тамиздата (термин вам знаком, несомненно), родились здесь, на отечественной почве, тем не менее, большинство из этой крупной коллекции текстов сконцентрировано в зарубежных хранилищах, о которых мы будем еще говорить. В СССР только недавно начали формироваться при научных учреждениях

фонды самиздатской литературы. Я могу назвать здесь Историческую библиотеку, Библиотеку иностранных языков, "Мемориал" тоже начинает формировать свой фонд самиздатской литературы. К сожалению, мы отстаем.

Относительно издания текстов самиздата в печатном виде. Оно тоже в основном происходило за рубежом. В последние годы и у нас в стране довольно много важных ключевых самиздатских текстов опубликовано, хотя далеко, далеко не все. И публикации за рубежом, и публикации в СССР, преимущественно в журнальном виде, часто носят неполный, отрывочный характер, не снабжены должным научным аппаратом, который необходим, особенно для читателя, который не погружен в проблему, тем самым, они часто не выполняют даже своей просветительской функции, и я не знаю серьезных крупных попыток создания единого свода самиздатской литературы, объединенного методикой подготовки текстов публикаций и единым справочным аппаратом.

Еще несколько слов об одном уникальном источнике. Это одна уникальная сторона проблемы, которая перед нами возникла, когда мы стали этим заниматься.

Вторая уникальная сторона состоит в том, что на самом деле в каком-то смысле правозащитное движение документировано прекрасно, потому что в нашем движении имеется совершенно фантастический, уникальный источник – это издававшаяся, выходившая с 1968 по 1983 годы в условиях подполья Хроника текущих событий, – известный правозащитный информационный бюллетень. Издание уникальное, даже по предварительным оценкам, по точности и достоверности информации, по стремлению к полноте этой информации, но, к сожалению, до сих пор не предпринимались попытки научного комментированного издания Хроники текущих событий. Это одна группа источников, о которых я хотел сказать.

Невозможно обойти и то, что существует богатейшая потенциальная группа источников для сведений о правозащитном движении. Это ведомственные архивы. Мы имеем архивы МВД, то есть "мы имеем" – это метафора, конечно; в этих архивах хранятся учетные карточки множества политических заключенных, а в ряде случаев и личные дела этих политзаключенных. Есть архивы КГБ и прокуратуры, в которых хранятся следственные дела, а можно подозревать, я бы сказал, с уверенностью подозревать, что хранятся и оперативные разработки на диссидентов. Есть архивы судов, где хранятся материалы судебных процессов. Какими они по качеству, это уже другой вопрос, но тем не менее эти архивы, за редким исключением, эти материалы для независимого исследователя сегодня недоступны. Повторяю, за редким исключением, исключение эти все-таки имеют место.

Далее. Следующая особенность проблемы, которую я хотел бы отметить. Это то обстоятельство, что история борьбы за права человека в СССР – это недавнее прошлое, из чего вытекает, что, к счастью, и к нашей радости, большинство участников и свидетелей этой борьбы живы. А, стало быть, к этому явлению можно применить методы так называемой устной истории, прекрасно разработанной в западных центрах устной истории, у нас эта наука только начинается, вот в Историко-архивном институте есть центр устной истории. Но на Западе она существует давно и она разработана. А также методы социологических исследований. Проводить социологические исследования возможно. Честно говоря, по отношению к истории правозащитного движения систематических попыток такого рода не проводилось до сих пор.

И последнее. О работах, которые все-таки существуют на эту тему, уже сегодня. Таких обзорных работ на эту тему очень мало. Их можно пересчитать по пальцам. По отношению к раннему периоду правозащитного движения надо отметить книгу Питера Реддуэя "Неподцензурная Россия" и следует отметить книгу трех голландских авторов "Биографический словарь диссидентов в Советском Союзе" 56-75 год, очень солидное, хотя не свободное от ошибок исследование. Большую работу проделали эти люди. Эти книги на английском языке. Они не переведены. И, конечно же, главной и единственной обзорной работой по истории правозащитного движения в этот период является книга Л.Алексеевой "История инакомыслия в СССР". Эта книга многим из вас знакома. Это пожалуй единственная обзорная работа на русском языке. И все. Ничего другого у нас нет. Онтологических, философских вопросов истории инакомыслия касается большее число работ, среди них я отметил бы "Противостояние духа" покойного Бориса Шпрагина, изданное в Англии и не изданное пока у нас, и ряд других сюжетов.

И уж совсем или почти совсем нет работ, трактующих вопросы правозащиты с позиций сегодняшнего и завтрашнего дня страны и мира. Поэтому из всего, что я сказал, для меня (и Научно-информационный центр "Мемориала" с этим согласился) вытекают некоторые существенные характеристики исследовательской и просветительской программ, которая сформирована сейчас научно-информационным центром общества "Мемориал".

Первое. Эта программа должна в своих существенных аспектах опираться на международное сообщество и включать в себя сотрудничество, в частности, с зарубежными архивохранилищами и зарубежными исследователями.

Второе. Неотъемлемой частью этой программы должна стать издательская деятельность.

Третье. Центральное место в программе, на мой взгляд, должна занять источниковедческая работа. И эта работа должна включать в себя в первую очередь, конечно, этим ограничиваться нельзя, разработку методики исследований.

Далее. В рамках программы необходимо провести обширные социологические исследования и сбор устной информации.

Программа сложная, трудная, трудоемкая. Вероятно, по ходу реализации этой программы необходимо

будет провести ряд научных семинаров и международную конференцию, на которых будет обсуждаться как текущая работа по программе, так и возникающие научные вопросы, проблемы, связанные с данной темой, которые она перед нами ставит и поставит, и итогом этой программы должны стать, как минимум:

1. Единая база данных по истории диссидентских движений в СССР, конечно, по крайней мере на завершающем своем этапе, компьютеризованная.

2. Мы намерены подготовить материалы к библиографическому словарю участников диссидентского движения в СССР. Подобного упомянутому выше словарю, но более тщательно выверенному и более полному.

3. Надо готовить материалы к аннотированной библиографии самиздата. Это очень важно. Полной аннотированной библиографии, но самиздат такая вещь, что полной никогда не будет. Максимально полной, скажем, аннотированной библиографии самиздата.

Я еще не знаю, как на самом деле мы будем вылавливать провинциальный самиздат. Это безумно трудно, это великая проблема. Потому что центровой самиздат, пользуясь эпитетом Солженицына, мы еще выловить сможем. Как провинциальный будем вылавливать еще не знаю. Думать еще надо на эту тему.

Следующий итог программы – книжная серия, в которой будут на академическом уровне подготовлены и опубликованы важнейшие документы, мемуары диссидентского сопротивления этого периода. Я понимаю, что у здравомыслящей части аудитории уже, наверное, возникли мысли о том, что же это мы на себя взвалили. Но вот взвалили. И теперь надо коротко рассказать, что же мы тут уже сделали и что умеем делать. Я хочу сказать, что это сообщение предварительное, то есть прошел предварительный период программы, разворачиваются и развернуты компоненты программы, но идет работа полным ходом, если бы я так сказал, я бы вам соврал. Программы разворачиваются и частично уже развернуты. Что тут можно сказать? Чисто формальная вещь: создан совет проекта. Кто входит в совет проекта, вам, наверное, будет интересно узнать. Туда входят С.А. Ковалев, упоминавшийся здесь, крупнейший правозащитник 70-х годов, председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР, член Президиума Верховного Совета, Л.И.Богораз, организатор сегодняшнего семинара, сопредседатель московской группы, Ю.А.Левада, известный наш социолог, М.Я.Гефтер, историк и публицист. Вероятно, это еще не оговорено специально, сюда войдет и Ю.Н.Афанасьев. Также авторы программы А.Б.Рогинский, который обещал здесь быть и которого я не вижу, к сожалению. А.Ю.Даниэль, то есть я. Исполнительный директор программы А.С.Каратаев. Это совет проекта, некий орган, который будет отчасти координировать финансовую сторону, отчасти просто помогать нам в нашей работе по представительской части, потому что мы хотим работать практически.

Далее. Создана рабочая группа, пока небольшая; надеюсь, она будет увеличиваться. В основном это студенты Историко-архивного института, с факультета информатики. Студенты Университета, филфака. Группа, которая начала разрабатывать вместе с нами методику росписи источников. По идее это работа по научным меркам, не менее, чем на год, но мы надеемся сделать ее гораздо быстрее.

Потому что мы не на зарплате, мы энтузиасты, поэтому иногда быстрее получается.

Третье. Об архивной деятельности говорить преждевременно, хотя ряду исследователей, в частности (в составе валленбергской комиссии, которую возглавляет К.А.Любарский, в составе комиссии Верховного Совета РСФСР по местам заключения), А.Б.Рогинскому удалось получить общее представление о структуре, об устройстве многих важных ведомственных архивов, куда до этого не ступала нога белого человека, и о структуре документов, то есть об информации, которая содержится в документах этих архивов.

Далее. "Мемориал" ведет успешные переговоры с факультетом информатики Историко-архивного института о помощи в создании математического обеспечения базы данных вообще по мемориальной тематике, и по части этой тематике – истории правозащитного движения – и так далее.

Далее. По части социологических исследований и исследований в устной истории я откровенно скажу, что ничего, в общем, не сделано. По этой части ничего у нас нет, кроме общих идей. Общие идеи могу в двух словах изложить. Они состоят в том, что, во-первых, любые анкеты и устные интервью переводятся в письменный текст и подвергаются той же обработке, как и иные письменные тексты, также точно расписываются на карточки и заносятся в компьютер для создания общей базы данных, то есть, мы будем черпать из этих источников фактографию правозащитного движения, но также мы рассчитываем и на то, что профессиональные социологи помогут нам в проведении анкетирования, связанного с изучением менталитета участников правозащитного движения, а также людей, которые наблюдали движение со стороны. Насколько это важно, вы можете судить по сегодняшнему дню, по той спонтанной дискуссии, которая вспыхнула между Ларисой Иосифовной и Юрием Федоровичем по поводу того, занимаются ли правозащитники политикой или нет. На самом деле ответа на этот вопрос не могу дать ни Лариса Иосифовна, ни Юрий Федорович. (В перерыве к соглашению пришли? Замечательно. А вот мы без вас, без всякого перерыва будем опрашивать, кто и что по этому поводу на самом деле думает, по крайней мере сейчас. Может быть, удастся узнать, кто на самом деле что по этой тогда теме делал, что тоже "две большие разницы").

Далее. Сейчас успешно пришли к концу переговоры и оформляется договор с издательством "Весть" на издание многотомного, из нескольких десятков томов, объемом приблизительно от 20 до 45 печатных листов издания книжной серии "История инакомыслия в СССР". Естественно, что они обещают очень энергично вести издательскую деятельность, готовить публикацию материала. Естественно, что первой книгой будет "История инакомыслия" Л.М.Алексеевой. Существенный момент, серия будет подписной, она будет распространяться по подписке. Так что спешите следить за подпиской и подписывайтесь. Реклама будет.

Вероятно, в "Книжном обозрении" и в ряде других изданий. Стоимость тома будет довольно приличной, в зависимости от объема и рода вещей от 8 до 10 рублей. Это, как мне кажется, они посчитали еще без учета инфляции. Но на сегодняшний день это так. Это только-только окупает расходы, на самом деле. Доходы мы не очень рассчитываем получать с этой книжной серии. Но эта серия представляется нам принципиально важной, особенно в связи с тем, что будет предпринято полное издание "Хроники текущих событий" в 8-10 томах. Каждый том будет снабжен минимальным справочным аппаратом. Мы планируем после окончательного издания "Хроники текущих событий" выпустить два-три, сколько понадобится, дополнительных тома, содержащих квалифицированный комментарий к Хронике текущих событий. Это мне представляется очень важным. Таким образом, без самохвальства, в НИЦ "Мемориала" мы создаем источник века по этой теме.

Иные издания, которые ожидаются в рамках этой серии, я вам назову несколько ближайших, и в их числе будут все три книги Анатолия Марченко, в их числе будет уже названное мною "Противостояние духа" Бориса Шрагина. Я думаю, что будут в их числе, в ближайшее время, замечательные "Записки незаговорщика" Ефима Эткинда, написанные вне рамок диссидентства, но соприкасающиеся с этими рамками какими-то своими сторонами, то есть профессиональное инакомыслие. Не буду рекламировать, реклама будет. Следите за книжной рекламой. Я боюсь, что я что-нибудь упустил в своем перечне направления нашей программы.

О международном сотрудничестве. У нас налажены отношения с институтом Колумбийского университета в США, хорошие взаимоотношения с Фондом Форда. У нас прошли успешные переговоры с самыми главными, с самым большим западным архивохранилищем самиздатских текстов, архивом Радиостанции Свобода, – это научное учреждение при Радиостанции Свобода. Я думаю, что и за рубежом тоже может быть развернута достаточно обширная работа.

Нельзя не отметить, что попытки такого рода предпринимались и во времена, когда это правозащитное движение происходило, и в этих попытках участвовали такие известные ученые, как Г.Г.Суперфин, такие известные энтузиасты, как присутствовавший здесь В.В.Игрунов, который пытался составить алфавитный указатель к "Хронике текущих событий" еще в 73-м году. И всем им, конечно, мы выражаем признательность, они – наши предтечи.

Естественно, что у многих в этом зале, не сомневаюсь, возникает вопрос, а вправе ли кто-то заниматься такой академической темой, как история правозащитного движения, в то время как происходят преступления в Литве, правительство творит преступления в Прибалтике, в то время, как нарушается управление по всей стране, и тема как бы далеко не закрыта. Думаю, что сегодня, в этой ситуации особенно важно правозащитному движению понимать свои корни, свою традицию, откуда оно есть-пошло. И определиться, продолжать ли традицию, я вовсе не хочу сказать ничего дурного о тех, кто не хочет продолжать традицию правозащитников этих лет, но нужно определиться, продолжать ее или нет, и мне кажется, что в значительной степени нынешний кризис правозащитного движения, как это мы сегодня весь день наблюдали в этом зале, обусловлен именно этим недоопределением.

Благодарю за внимание.

(Аплодисменты)

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВАЗАЩИТНОЙ ИДЕИ

К.Любарский (Мюнхен)

Мой доклад посвящен проблеме прав человека в историческом плане. Это будет может быть несколько академический доклад, но я предупреждал и говорил, что мне кажется, что некоторые общеобразовательные вещи важны для всех нас и на этом семинаре, потому что кроме конкретных проблем, кроме наших личных болей, нам нужно попытаться увидеть эту проблему более широко. Я, к сожалению, не смог подготовить очень подробного доклада, потому что тема доклада определилась буквально за два дня до моего отъезда, и то, что я успел несколько схематично написать, я сейчас постараюсь вам изложить. Я буду останавливаться больше на проблемах международной защиты прав человека, на проблемах кодификации прав человека, так как это возникало в человеческой истории. Но постараюсь немножко также затронуть вопросы в теоретическом плане: что такое вообще права человека, что мы вкладываем в это слово. Обычно говорят о том, что проблема прав человека как таковая возникла и была сформулирована, родилась после Французской и Американской революций, после принятия известных документов Декларации прав человека, после принятия Билля о правах и так дальше. На самом деле это просто наиболее четко сформулированные документы, но сама по себе идея прав человека уходит своими корнями в глубокую древность. Ее можно проследить еще у древних греков, в частности, у Софокла эта идея возникает хотя бы в "Антигоне". Вы помните ситуацию, когда Антигона вопреки запрету правителя, вопреки запрету Креона, идет хоронить тело своего брата Полиника, убитого, и возникает коллизия — по закону государства, по приказу тирана, тело не может быть похоронено, но в то же самое время Антигона чувствует свое иное некое право, отличное от того права, которое предоставляет ей закон государства. Возникает идея о том, что существует нечто высшее, то, что превосходит своей силой и законы данного государства, и возникает коллизия повиновения, каким законам повиноваться? Законам высшим или законам писанным? Здесь возникает та самая коллизия, которая потом проходит через всю историю прав человека, коллизия естественного и позитивного права, мы к этой теме вернемся еще дальше, немножко позднее. Вот эта идея естественного права, понятия прав человека, которые име-

ются у любого человека просто по праву рождения или по праву сотворения Богом для людей верующих – это и есть собственно говоря первоисточники прав человека. Конечно, наполнение этого права у всех было разным в разное время и в разных обществах. Комплекс прав, который как бы человек получил с рождения, считался разным, но сама идея продолжала сохраняться. Она особенно хорошо была сформулирована впервые еще у стоиков римских и греческих, особенно в период эллинизма, позднее у Фомы Аквинского и у целого ряда средневековых правоведов. Кодифицированные или неcodифицированные права, которыми пользовались все граждане того или иного государства, того или иного полиса, существовали в какой-то зародышевой степени еще у древних греков. Например, во многих греческих полисах-городах имела место так называемая изогория – свобода слова для всех; но, во-первых, она существовала, конечно, внутри только данного города и данного полиса, во-вторых, конечно, она принадлежала только свободным, как все в античности, потому что несвободные просто не рассматривались как граждане, даже как люди. Тогда же возникла идея изономии, она тоже восходит к Древней Греции, это идея равенства всех граждан полиса перед Законом. Но дальше этого не шло, это две базовые свободы, они уже тогда существовали и считались неотъемлемыми правами. Только в тех городах, где возникала тирания, эти права могли быть ущемлены.

Но наиболее разработанной даже в теоретически разработанной форме идея права человека возникает уже в XVIII веке в период Английской революции, и наиболее четко она была изложена, была сформулирована у основоположников этой идеи – у Джона Локка и, в частности, у Мильтона. Локка по праву считают основоположником идеи естественного права, к нему, собственно говоря, восходят все нынешние Декларации прав человека. Идея естественных прав – это очень взрывчатая идея, о ней поговорим чуть позже, потому что она включает в себя очень много, включая право на мятеж, включая право на восстание. Кажется, что так мы выходим за сферу правозащитной области, но это неверно. Идея мятежа, права человека на мятеж, она потом позднее была сформулирована в американской Декларации независимости. Там было сформулировано право человека в тех случаях, когда правительство доводит народ до степени, когда ему не остается иного способа защищать свои права, на свержение этого правительства. Как видите, об этом не принято говорить, потому что правозащитники как бы отмежевались от политики, но, тем не менее, права человека и естественные права человека и теоретически, как у Локка, и практически, как в американских Декларациях, тесно связаны с правом на восстание. Мы привыкли к кодификации прав человека, мы привыкли к тому, что существуют пакты о правах человека, Декларации и так дальше, – это явление сравнительно новое, но тем не менее первые кодексы прав, перечни прав появились очень давно. Один из первых кодексов – это Кодекс 1188 года, королевство Леон, когда местное дворянство получило от короля Альфонса IX подтверждение ряда своих прав – право на справедливый суд, право на жизнь, право на защиту чести, дома и собственности, но как и все средневековые кодексы и все, о которых будем говорить дальше, это не были универсальные права. Это были права большой группы граждан, группы не просто свободных граждан, но группы дворянства, благородной части населения. Это характерно для средневековья вообще, модно в качестве второго примера привести Буллу короля Андрея II Венгерского 1222 года, который тоже гарантировал права дворянства, в частности, в ней была гарантия – свобода от произвольного ареста и от лишения жизни без суда. Наиболее знаменитый из такого рода кодексов дворянских прав – это знаменитая Магна Харта, великая Хартия вольностей, выданная королем Иоанном Безземельным в 1215 году, она по справедливости считается прототипом позднейших кодификаций прав человека, хотя она, конечно, тоже была ограничена только людьми свободными. XVII век в каком-то смысле переломный, – это век когда мы начинаем приближаться к современному пониманию этой проблемы. Близятся революции – Английская революция, Французская революция уже на горизонте появилась, и опять-таки, если говорить о Европе, то впервые идеи этого сорта стали кодифицироваться довольно ясно в Англии. Это Петиция о правах 1628 года, Билль о правах 1689 года, все эти документы, о которых мало говорят и пишут, тем не менее они имели очень большое значение, потому что именно они позднее были использованы при написании Декларации независимости в Американской революции. Именно Англия, метрополия, как ни странно, явилась родоначальником идеи прав, которые позднее были кодифицированы американцами, что и произошло сначала в американской революции, революции в колониях, первоначально в форме Виргинского Билля о правах, который был принят в июне 1776 года, а позднее он практически полностью перешел в Декларацию независимости. В наиболее полной форме кодификация прав была совершена через несколько лет в 1791 году в форме Билля о правах, который до сих пор, по нынешний день, является составной частью Конституции Соединенных Штатов. Практически одновременно тот же самый процесс развивался и на континенте. Произошла Французская революция, и в 1789 году была принята Декларация прав человека и гражданина. Ну вот с этого периода уже начинает отсчитываться новейший период в истории проблемы прав человека. Затем очень скоро именно под воздействием всех этих событий, такого рода кодификация в большей или меньшей степени, обычно в меньшей степени, были приняты и в других странах – в Швеции в 1809 году, в 1815 году в Голландии и в ряде других стран. Это были документы, в которых основные идеи Декларации прав были фактически перенесены, часто даже и буквально, слово в слово; кстати, этого не произошло в Англии, потому что Англия до сих пор следует своей традиции неписанной Конституции и такого Кодекса о правах английское право до сих пор не знает, если не считать, конечно, Магна Харта, о которой я говорил. И с начала XIX века впервые возникает такая серьезная коллизия двух понятий о правах человека, которая до сих пор не преодолена.

Я сейчас немножко отклоняюсь от темы исторического обзора, и хочу немножко сказать о проблеме естественного и позитивного права. Вот что сегодня означает, когда мы говорим, что "человек имеет право"?

Поговорим о Декларации прав человека ООН. Вот Декларация прав человека, там говорится, что человек имеет право на жизнь, на свободу выражения убеждений. Здесь казалось бы все ясно, никаких вопросов это не вызывает. Хотя на самом деле, если в эти выражения вдуматься глубоко, то далеко не каждый из вас скажет, что означает "право на жизнь" или "право на свободу убеждений", здесь есть свои ограничения, которые нужно рассматривать как законные и как незаконные, справедливые и не справедливые. Ну, скажем. Декларация прав человека ООН, в которой статья 24-я – "каждый человек имеет право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый периодический отпуск". Вот что это такое, это право или не право? На самом деле я думаю, в данном случае я хочу разойтись с Декларацией прав человека, я думаю, что это не право, это ошибка и серьезная ошибка разработчиков Декларации, потому что никакого отношения к правам человека это не имеет, хотя бы просто потому, что это не может быть всеобщим правом. Как можно говорить о праве на оплачиваемый отпуск человека, который не находится на службе, например, свободный художник. Какое может быть право на оплачиваемый отпуск у художника, который пишет свои картины и их продает? Это бессмыслица. Вот и целый ряд других прав, примерно с середины Декларации после 20-й статьи, имеют вид скорее политических манифестаций, пожеланий, но к проблеме прав человека на самом деле отношения не имеют. Правда, с точки зрения Локка, основоположника идеи естественного права, права человека – это то, что следует из законов природы. Право на жизнь, оно следует закону природы – человек родился – это есть некий естественный процесс, процесс природный, не зависящий от воли общества, в котором он живет. Надо сказать, что Локк довольно сильно расширил круг прав, которые он считал естественными, и эта его точка зрения была оспорена впоследствии позитивистами Пентаном, Бертом, Юмом и другими. Другая школа правоведов и философии считает, что на самом деле правом является только право позитивное, то есть только то право, которое записано в каком-то Кодексе, если оно не записано – оно не есть право. Право естественное, незафиксированное в законе, является с точки зрения позитивистов правом фиктивным, ложным правом. В чем-то с позитивистами можно согласиться, потому что, если мы читаем в Декларации прав человека, что человек имеет право на свободу передвижения, то что означает эта фраза "человек имеет право"? Если считать, что это – утверждение, что это – констатация факта, это неверно. Скажем, в Советском Союзе или в Южной Африке человек этого права не имеет, поэтому это не есть фиксация права, это есть скорее пожелание, так сказать, призыв ко всем остальным, чтобы сделать так в будущем. Но это не есть где-либо за фиксированное право. Позитивисты считают, что такого рода Декларации скорее отвлекают общество, отвлекают человека от раз работки конкретных позитивных прав, записанных в законе, тех, которые действительно могут реализоваться, и видят даже некий вред в таких Декларациях, потому что они подменяют вот этим призывом к нравственным моральным нормам реальную работу по обеспечению позитивных прав. В чем-то этот парадокс затрагивал Юрий Федорович, когда он говорил о паначе внутренней свободы. Действительно, это очень опасный разговор, потому что можно подменить конкретную практическую работу по разработке прав человека пустыми разговорами о том, зачем нам нужна какая-то позитивная фиксированная свобода, когда нам достаточно нашей внутренней свободы, мы где угодно свободны, хоть в тюрьме. Это опасная идея.

Идя дальше по истории, мы приходим к нашей революции, революции 1917 года, которая внесла свой вклад в проблему прав человека. Рассмотрим, какова же особенность правового подхода Октябрьской революции, хотя вас может смутить это выражение, потому что обычно говорят: какой может быть правовой подход в Октябрьской революции, уничтожившей само понятие праве? Тем не менее, это правовой подход, но другой вопрос, какое это право? Но это право, как было таковым и немецкое право, которое позволяло совершать геноцид евреев. Это все равно было право – право есть некая система законов. Так вот правовой подход Октябрьской революции заключается вовсе не в том, как часто говорят, что большевики делают в основном упор на социально-экономические права, в то время как на самом деле все остальные говорят в основном о гражданских правах. Нет, социально-экономические права – это вовсе не привилегия большевиков, не только они о них говорят, и не они первые включили эти права в кодификацию. Еще в Веймарской конституции Германии 19-го года такие положения содержатся, в 17-м году такие же самые права были записаны в Конституции Мексики, позднее в Испанской республиканской Конституции 31-го года, и так далее. Юридическое новшество, введенное большевиками в проблему прав человека заключается в том, что права были гарантированы не человеку, а некой определенной группе, пускай даже очень большой группе, но группе, которая в данном обществе считается выделенной. Ведь даже Декларация прав, которая была провозглашена после Октябрьской революции, эта Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Отвлечемся сейчас от того, кто трудящийся, кто эксплуатируемый, это интересно, но нас сейчас это не должно занимать, важно то, что права гарантировались только трудящимся и эксплуатируемым, а нетрудящиеся и эксплуататоры автоматически этих прав лишились. Это была не только теория, но и практика – понятие "лишеница" было введено как правовая новинка, именно введенная Октябрьской революцией. Другие правовые нормы такого ограничения, такого странного разделения не знали. Ну, позднее, как вы знаете, вот эти ограничения, опять-таки я не оговариваюсь, я говорю сейчас о Кодексе, о слове, о форме, а не о сути, не о воплощении в жизнь, они были изменены, как вы знаете, в Конституции 36-го года это было отменено, но вот тот правовой менталитет, который был введен в 17-м году, он сохранился и гарантирование прав определенной группе населения, с течением времени все более и более узкой, – это и есть основа нашего нынешнего неправового положения, в котором мы оказались. Потому что как ни странно, предоставление неких прав даже ограниченной группе населения на самом деле является лишением прав всего населения. Номенк-

латура, которая как бы имеет все права, а мы вот с вами этих прав не имеем, на самом деле тоже бесправна. По-другому, несколько по-иному, но она столь же бесправна, как и все остальное население, потому что такое странное свойство прав человека, что нельзя гарантировать права узкой категории населения, потому что это делает все общество бесправным. Это создает некое общество, которое начинает угнетать само себя.

Проблема прав человека довольно давно была выведена из узких рамок внутренних проблем каждой отдельной страны, довольно давно она стала предметом забот международного сообщества разных стран. В разные времена интернациональный аспект проблемы прав человека рассматривался по-разному, иногда с противоположных позиций. Один из способов интернационального подхода – так называемая "гуманитарная интервенция". Примеров "гуманитарного вмешательства" в истории немало. В 1827 году Великобритания, Франция и Россия совместно вмешались во внутренние дела Османской империи с целью восстановить нарушенные права греческого населения. История эта всем хорошо известна благодаря лорду Байрону. В конечном счете эта гуманитарная интервенция привела к восстановлению независимости Греции. Это не единственный пример, в 1860 году целая группа европейских государств вмешалась во внутренние дела Сирии, чтобы предотвратить геноцид христианского населения. Или Балканская война 1878 года, Балканская кампания, которая велась для предотвращения нарушений прав немусульманского населения на Балканах. В конце XIX-начале XX века произошло то, что позднее происходило на наших глазах, а именно: Соединенные Штаты сделали ряд представлений правительству Российской империи в связи с преследованием евреев, еврейскими погромами и так дальше. Это не было вооруженным вмешательством, но это было довольно сильное дипломатическое давление с целью восстановить правовое положение российских евреев. Как видите, конфликт между Соединенными Штатами и Россией по еврейскому вопросу имеет довольно давнюю историю. Уже в наше время, все мы были свидетелями такого же рода гуманитарной интервенции американской администрации президента Картера в связи с проблемой Афганистана, в связи с нарушением прав человека: эмбарго на продажу компьютеров и так дальше, все это так или иначе есть формы вмешательства, иногда вооруженного, иногда невооруженного, с целью изменить ситуацию с правами человека, общую или локальную, в другой стране. Но совершенно очевидно, что такого рода вмешательства могут только чрезвычайными, не могут быть делом регулярной практики, хотя бы просто потому, что очень велика опасность злоупотреблений. В одних случаях все обходится хорошо, в других случаях под предлогом восстановления прав человека можно зайти довольно далеко. Поэтому ясно, что нужен какой-то иной механизм международного регулирования проблемы прав человека. И он действительно разрабатывался, появлялся и в настоящее время приобретает какие-то более или менее определенные черты. В зачаточной форме это могут быть международные договоры двух или нескольких стран, которые между собой договариваются о проблеме обеспечения прав той или иной группы населения, как правило, это касается не всего населения, а группы. Вестфальский договор 1648 года, которым закончилась тридцатилетняя война, установил впервые равноправие католиков и протестантов в Германии. Вскоре после этого целый ряд других договоров был заключен тоже с целью уравнивания в правах католического и протестантского населения. В 1874 году по требованию России, под давлением России, Турция обязалась защищать права христиан, христианского населения и церкви, на своей территории. Международный договор, включивший большое количество государств, появился в результате Венского Конгресса 1815 года после наполеоновских войн, когда был принят целый ряд документов, которые опять-таки гарантировали равенство различных вероисповеданий в различных странах, например, было провозглашено равноправие всех христианских конфессий в различных кантонах Швейцарии, в различных Германских княжествах. Нечто вроде международного договора об улучшении гражданского статуса евреев тоже восходит к Венскому Конгрессу 1815 года. После Балканской кампании 78-го года принцип религиозных свобод был зафиксирован в ряде международных договоров с участием самой Турции, потерпевшей поражение, а также отделившейся от нее Черногории, Сербии и Румынии. Большим шагом в деле международных гуманитарных обязательств стало подписание международных договоров о запрете работорговли. Запрет работорговли – это сравнительно недавнее наше прошлое. По-настоящему работорговля была запрещена совсем недавно, уже практически на наших глазах. В начале XIX века был заключен целый ряд конвенций, договоров о запрещении рабства, работорговли. Но далеко не всегда они и сейчас проводятся в жизнь. Работорговля все еще существует. Примерно через каждые 10-15 лет приходилось снова заключать такого рода договоры. В 26-м году Ассамблея Лиги Наций приняла и подписала Международную конвенцию о рабстве, прекращении работорговли и противодействия ей. К сожалению, проблема до сих пор еще существует. Об этом нужно помнить, потому что когда мы говорим о наших проблемах, надо всегда знать, что есть такие страны, где ситуация с правами человека по ряду параметров ничуть не легче, чем в нашей стране. Конечно, в отличие от Советского Союза, это не великие и не европейские страны, но населению этих стран, малых и неразвитых, от этого все-таки не легче. Большие усилия всегда предпринимались, в отношении международной кодификации в области социального и трудового законодательства, хотя внимание этой проблеме стали уделять существенно позже. Но, по-видимому, в первый раз это было серьезно сделано в 1890 году в Берлине, когда на конференции европейских государств была принята довольно обширная программа обеспечения международных мер в области социального и трудового законодательства. После этого, ряд конвенций по инициативе некоторых, говоря нынешним языком, правозащитных организаций и правозащитников, отдельных лиц европейских стран, в Берне в 1905-1906 году была собрана международная конференция представителей большинства европейских стран, которые приняли первые международные акты по защите труда. Все эти конвенции часто не имели всеобщего

характера, как имеют известные нам ныне документы, но были подписаны: международная конвенция о запрете ночного труда женщин, о запрете использования вредных веществ на производстве и т.д. Именно с этих небольших локальных частных проблем началась кодификация международного трудового законодательства. С конца XIX века по инициативе швейцарских граждан, швейцарских общественных организаций началась кампания за гуманизацию законов войны, по обеспечению прав раненых, военнопленных и так далее, эта кампания привела позднее к созданию Международного Красного Креста и созданию целого ряда конвенций по охране прав участников войны. Женевская Декларация 1864 года об улучшении содержания раненых во время войны предусматривала возврат раненых на свою отчизну, обеспечение равного ухода за ранеными разными воюющими сторонами и так далее. За этой декларацией последовала через 4 года Петербургская конвенция о смягчении нравов на войне, а затем и Брюссельская, Гаагская конвенции о заключенных. В 25-29 годах была подписана Женевская конвенция 49-го года о защите жертв войны. В 19-м году была создана первая международная организация, предшественница современной ООН, – это Лига Наций. Устав Лиги Наций, как вы знаете, стал составной частью Версальского мирного договора, но в Устав Лиги Наций не удалось тогда включить положений, которые впоследствии были введены в Устав Организации Объединенных наций. Устав Лиги Наций не содержит декларации прав человека, а содержит несколько туманных общих деклараций, идея прав человека поднималась на Версальской конференции, но была отвергнута. В этом смысле Лига Наций с самого начала не связала себя открыто напрямую с проблемой прав человека. Но отдельные положения в Уставе существовали, например, право человека на справедливые и гуманные условия труда, о справедливом обращении с туземцами на подмандатных территориях Лиги Наций; но это, пожалуй, и все. Важной частью Устава Лиги Наций, Версальского мирного договора, важным их результатом явилось создание, может быть, первой серьезной организации в области прав человека, – Международной организации труда. Она предусмотрена частью тринадцатой Версальского договора. Это как раз то исключение, которое нужно особо подчеркнуть, говоря о таком неуспехе Лиги Наций. МОТ создана именно в то время, сейчас она модернизирована, но тем не менее во всех основных пунктах Международная организация труда является той же самой организацией, которая возникла в результате мира после первой мировой войны. Особенностью МОТ в отличие от всех остальных специализированных организаций нынешней Организации Объединенных Наций, является то, что в ее состав входят не только представители правительств, участников Лиги Наций, но и представители работодателей и рабочих. Они участвуют на равных в работе Международной организации труда, и это конечно очень положительный фактор, потому что тем самым производ правительств в этой области в какой-то степени парализуется. Международная организация труда внесла очень большой вклад в кодификацию прав именно в области труда, но не только труда. Конечно, специфические проблемы она решала довольно эффективно, разработав Конвенции о безопасности труда, о рабочем дне, об оплачиваемых отпусках. Это все, конечно, заслуга МОТ, на протяжении всей ее истории, но также рассматривались неоднократно МОТ некие общие правовые проблемы, и заслуга ей принадлежат в этой области тоже. В частности, Конвенция о запрете принудительного труда. Это очень важная конвенция, которой пользовались в самое недавнее время наши правозащитники, обсуждая вопросы гуманизации мест заключения. Конвенция о запрете дискриминации при приеме на работу по любым признакам, по признакам пола, национальности, религии и так дальше, что уже в большей степени является частью антидискриминационных международных пактов. Проблема национальных меньшинств, ею тоже серьезно занималась Международная организация труда. В частности, есть прекрасная конвенция о правах северных народов. Конвенция, которая нам сейчас очень важна для разработки нынешних законов о спасении малых народов Севера и Сибири вообще. Конвенция о свободе ассоциаций, о праве на профсоюзы. Так что в области прав человека Международная организация труда выходила всегда за узкие рамки чисто трудовых проблем и, надеюсь, будет выходить и дальше, потому что тут трудно отделить труд человека от всей его жизни. Говоря о меньшинствах, надо сказать, что проблема прав национальных меньшинств неоднократно возникала уже я после первой мировой войны, в частности, в результате мира, возникшего после Версальского мирного договора, заключенного странами Центральной и Восточной Европы, а из неевропейских стран, как ни странно это сегодня, Ираком. Было заявлено требование и зафиксирован целый ряд обязательств о защите расовых, лингвистических и религиозных меньшинств на территории этих государств.

Вторая мировая война закончилась созданием ООН. И вот здесь мы сталкиваемся с очень важным явлением, которое для правозащитника имеет принципиальное значение, такой узловой пункт, как создание Нюрнбергского трибунала и Устава Нюрнбергского трибунала. Вопрос здесь очень непростой: как возник Нюрнбергский трибунал, на каком основании он вообще возник? Нюрнбергский трибунал – это международное признание, это прямая фиксация приоритетов естественного права, потому что – на основании чего можно судить военных преступников? На основании немецких законов, национальных законов судить их нельзя, потому что они ни одного из них не нарушали, наоборот, были весьма пунктуальны и методичны, то есть позитивное право при этом совершенно не нарушалось. Прецедент создания Нюрнбергского трибунала – это некое негласное признание мировым сообществом существования и приоритета естественных прав, то есть судили немецких военных преступников на основании законов естественного права. Само понятие "преступление против человечности, преступление против гуманности" предполагает наличие неких иных законов, некодифицированных, нефиксированных, но существующих где-то в природе, законов, которые должны быть соблюдены вне зависимости от тех или иных форм позитивного права в той или иной стране. Второй, конечно, важный итог второй мировой войны, – это создание Организации Объединенных Наций и

провозглашение Хартии Объединенных Наций, в которой уже в отличие от Хартии Лиги Наций содержался целый ряд пунктов, провозглашавших права человека, те самые пункты, которые позднее приобрели более развитое выражение уже во Всемирной Декларации прав человека. Декларация прав человека и пакты о правах человека, к которым я сейчас перейду, пропуская некоторые промежуточные этапы, не были первыми шагами ООН в этой области, потому что уже сразу после создания ООН, в мае 46-го года была создана Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций, куда вошли: Китай, Франция, Ливан, Австралия, Бельгия, Белоруссия, между прочим, Чили, Египет, Индия, Панама, Филиппины, Советский Союз, Великобритания, Уругвай и Югославия. Соединенные Штаты не вошли, почему это произошло и позицию Соединенных Штатов Кэт Фитцпатрик вчера нам здесь объяснила, рассказывала об этом. Комиссия была создана при экономическом и социальном Совете ООН, и это стало прототипом позднейших специализированных организаций, которые были созданы при ООН. 1948-ой год – это принятие Всемирной Декларации прав человека, которая, при всех своих важных положительных качествах имеет, на мой взгляд, большие недостатки: в значительной степени она не имеет отношения к правам человека, хотя она так и называется. Некие непоследовательности этой Декларации были исправлены в 66-м году, когда были приняты два пакта, которые не случайно были разделены на два. Казалось бы, почему так? Декларация одна, а пактов два? Почему бы не создать один большой пакт, где все эти права зафиксировать? Тем не менее разумно, мудро было решено их разделить на два пакта – пакт о гражданских и политических правах и пакт о социально-экономических правах. И если положения первого пакта о гражданских и политических правах сформулированы в форме обязательной, то есть, государства, присоединившиеся к этому пакту, обязаны выполнять эти положения, то второй пакт, – пакт о социально-экономических правах, – лишь рекомендует предпринять шаги в направлении достижения этих целей. Там даже формулировки совершенно разные. Поэтому, если мы говорим о свободе слова, о том, что государство обязалось соблюдать свободу слова, свободу передвижения – это обязательство, это есть некий закон, который обязывает государство. Все положения второго пакта, трактующие социально-экономические права, обязательными не являются. Что, на мой взгляд, мудро, потому что возможность или невозможность соблюдения этих пактов не всегда связано только со злой волей государства, но и связано с объективными возможностями это выполнить; я говорю сейчас не только о Советском Союзе, поскольку пакты эти адресованы не только Советскому Союзу, а всему мировому сообществу. Некоторые говорят, что, мол, Советский Союз подписал Декларацию, ратифицировал Декларацию и вот не выполняет своих международных обязательств. Ничего подобного, Декларация прав человека в отличие от пактов не является законом, она никем никогда не подписывалась, вообще никем, она принималась только общим голосованием, при котором Советский Союз воздержался, и она ратификации вообще не подлежит, не подлежала и не подлежит. Пакты подлежали, пакты были ратифицированы Советским Союзом, и сейчас, как вы знаете, после того, как 35 государств их ратифицировали, они вступили в силу и имеют силу закона, в том числе и на территории Советского Союза. Оба пакта, между прочим, не полностью совпадают с Декларацией. Например, в Декларации есть право на собственность, а в пактах – нет этого пункта. В Декларации есть право на убежище, а в пактах нет этого пункта. Это важно знать, потому что люди, требующие себе убежища в других странах, ссылаются на Декларацию, не учитывая того, что на самом деле это не является их законным правом, это является некой привилегией, которая может быть человеку предоставлена, а может и не быть предоставлена в зависимости от доброй воли и внутреннего законодательства того или иного государства. Но в то же самое время в пактах есть и такие права, которых в Декларации нет. Например, очень важное право, для нас сейчас особенно болезненный пункт, это право наций на самоопределение. ООН приняла международные конвенции самого разного толка, самого разного плана – Конвенцию за предотвращение преступлений геноцида, Конвенцию о рабстве, Конвенцию за запрещение принудительного труда, об отмене дискриминации в области труда и занятости, в области образования и так дальше. ООН и сейчас продолжает принимать Конвенции, которые в целом создают довольно большой международный законодательный корпус, охватывающий в настоящее время практически все основные болевые проблемы. Здесь вчера задавались такие вопросы, что вот мы будем потом обращаться в ООН, будем вам писать о нарушениях международных обязательств, – какие меры вы будете предпринимать, но на самом деле вопросы были совсем не по адресу. ООН ничего не будет предпринимать, кроме морального воздействия, кроме морального осуждения, могут быть ходатайства, просьбы только в тех случаях, когда государство соглашается эти просьбы выслушать, если оно является членом либо пакта, либо факультативного протокола. Я говорил именно об Организации Объединенных Наций. Нужно сказать, что Организация Объединенных Наций – это не единственная международная организация, которая озабочена этой проблемой. Еще в 50-м году, как вы знаете, члены Европейского Совета подписали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, к которой позднее было сделано пять дополнительных протоколов. Эта конвенция и эта организация гораздо более эффективны, чем ООН, хотя бы уже потому, что создана европейская комиссия по правам человека, которая в какой-то мере является аналогом комиссий и комитетов ООН. Но кроме комиссии, которая рассматривает все эти возможные нарушения прав человека в странах-участницах этой конвенции, существует также и Европейский суд по правам человека, куда могут обращаться и отдельные лица, и организации. И не только могут, но и обращаются. И суд, и комиссия работают эффективно. И вот там есть четко разработанная процедура того, каким образом, не только принимаются к рассмотрению, и не только публикуются, но и конкретно исправляются конкретные нарушения прав человека. В этом смысле Европа находится в выделенном положении. Разработана правовая процедура, что очень важно, потому что без процедуры ни-

какие права смысла не имеют. В Европе это есть. Ну, конечно, парадоксальная ситуация, что такого рода суд и такого рода комиссия созданы в регионе, который, в общем-то, меньше всего нуждается в этом: просто в силу того, что традиционно, в силу европейских традиций, в силу европейской культуры, все-таки Европа – это тот регион мира, где нарушений прав человека, может быть, меньше, чем в любом другом регионе. Но, может быть, именно потому здесь разработана процедура, это вещи взаимосвязанные, трудно определить, что здесь является курицей, а что является яйцом. Это не единственная такого рода организация. В 1959 году также была заключена Межамериканская конвенция по правам человека при Организации Американских Государств, которая позднее была расширена и развита на конференции по правам человека в Коста-Рике, так называемый "Пакт Сан Хосе", по названию столицы Коста-Рики, или, как он неформально называется, Американский пакт о правах человека. Однако, я не могу сказать, что в данном случае конечные результаты работы комиссии столь же положительны, как в Европе, потому что, страны-участники этого "Пакта Сан-Хосе" или Американского пакта далеко не все являются странами демократическими и даже принятие самых замечательных решений в области прав человека, которые были или могли бы быть, часто блокируются на местах и не выполняются. Мы знаем, что Латинская Америка до сих пор еще в очень большой степени континент, пораженный несправедливостью. Создана и международная комиссия по правам человека, международный суд по правам человека, они работают в какой-то степени эффективно.

Спасибо за внимание.

Вопросы к К.А.Любарскому

Вопрос: Как Вы считаете, правомерно ли сейчас требование о создании Международного трибунала для суда над КПСС и ее лидерами в связи с непрекращающимися преступлениями, совершаемыми ими? Поддержали бы вы эту идею?

К.А.: Мы имеем уже прецедент в Германии, где был создан такой трибунал, происходили суды над главными и происходят и по сей день суды над более мелкими преступниками. Но это каждый раз суд над людьми. В то же время в Нюрнберге были объявлены преступными целый ряд организаций. Теоретически такого рода суд над КПСС был бы возможен, но я бы этого не поддержал сейчас, и вот почему. Мне кажется, что такой суд сейчас мог бы только еще более накалить обстановку и озлобить общество, в котором и без того люди ненавидят друг друга. Я думаю, что моральный суд над КПСС уже состоялся. Все знают, что это организация преступная, а кто не знает – тот не узнает и после того, как вы вынесете соответствующий вердикт. Я предложил бы другое. В Германии по этому приговору, кроме судов, была проведена процедура, на мой взгляд, более важная, чем суд, – денацификация. Ловили и судили лишь конкретных преступников, чьи руки были в крови. Денацификация же означает, что в основные государственные структуры, такие как суд, образование, т.е. определяющие жизнь общества, не допускались лица, запятнавшие себя морально. Мне кажется, что аналогичная процедура у нас в стране была бы полезна.

Вопрос: Как Вы относитесь к тому, что во все Пакты о правах человека внесено право наций на самоопределение, т.е. право, постоянно вступающее в коллизию с правами отдельного человека?

К.А.: Это большая проблема, которая, по-моему, так же не имеет решения, как и проблема о том, где начинается человек. На мой взгляд в пактах этому праву не должно быть места, потому, что это наиболее небезопасное, наиболее уязвимое место в них. Это чистая декларация, не имеющая никакого единого решения, потому что в каждом конкретном случае она может решаться только по-разному, мне кажется, что это вообще не проблема прав человека, это проблема политическая, она может решаться только политическими методами. Здесь есть много неопределенностей, связанных с тем, что нам считать нацией? Как относиться к диффузным нациям? Мы понимаем нацию как этнос. В Европе и во всем мире понятие нации иное – это гражданство. То есть здесь возникает путаница.

Вопрос: Какую Вы видите пользу в деятельности ООН в защиту прав человека? Не является ли эта организация просто прикрытием для преступной деятельности нашего режима?

К.А.: Я убежден, что ООН приносит очень большую пользу в борьбе за права человека. Я не понимаю, что Вы понимаете под "покрывательством". ООН – это же не команда солдат с автоматами, которая должна сразу же мчаться и восстанавливать права человека, хотя иногда так это и происходит сейчас в Персидском заливе. ООН не может по поводу любой жалобы, например, разгона палаточного городка, вводить в гостиницу "Россия" "голубые береты". Если бы она ввязалась в такого рода деятельность, то это была бы страшная организация. ООН и другие международные организации своими резолюциями делают другое – они создают такую важнейшую вещь, как международное общественное мнение, которое влияет на действия правительств и через них, постепенно, доводит дело до конкретного результата.

ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ПРАВООЩИТНОЙ РАБОТЫ

Л.И.Богораз (МХГ)

Вы знаете, что правозащитное движение в нашей стране реализовалось главным образом, в действии. Мало было рефлексии, обдумывания философских и теоретических проблем. Мы мало сознавали, кто мы. Наш семинар должен быть поучительным не только для приглашенных, но и для нас самих, давних участников правозащитной деятельности. Правда, было несколько работ, пытавшихся анализировать, я не буду

их называть, потому что не все помню, но было несколько таких работ, дающих обобщенный взгляд на правозащитное движение.

Правозащитная деятельность реализовалась в различных формах. Я также не берусь сейчас перечислить все формы реализации правозащитного движения. Одна из форм – всем, наверное известная, петиционная форма: по конкретным случаям или по общим вопросам составлялись петиции, адресованные управляющим структурам, или адресованные гражданам, или мировому общественному мнению. Иногда нас упрекали в том, что мы лукавим, что мы, адресуясь к правительству, на самом деле имеем в виду другие цели. Это неправда. Это было честное действие. Если мы адресовались к правительству, то мы хотели, чтобы нас услышали. Это важный момент, я его подчеркиваю, потому что если говорить о методах правозащитного действия, важных и сегодня, о принципах правозащитной деятельности, то принцип правдивости и честности очень важен.

Если бы управляющие структуры откликнулись на наши обращения и на наши призывы, мы были бы довольны. Сегодня многие говорят: как это так, мы будем обращаться к управляющим структурам? Но я так не думаю. Мы и прежде искренне обращались и хотели быть услышанными.

Еще одна из форм существования правозащитного движения – это реализация прав того, что можно называть, что называли уже вчера и сегодня, естественными правами человека, реализация на деле. Хотя наши законы и практика их применения часто препятствовали реализации естественных прав, участники правозащитного движения выступали в защиту этого человека или в защиту этих прав. Поэтому правозащитники – это не только защитники людей, но защитники самого принципа права. Я думаю, что это тоже важный момент.

Затем правозащитная деятельность реализовалась еще в форме проявления милосердия. Очень важным направлением правозащитной деятельности было именно это. Поддержка политических заключенных, поддержка их семей. Я на себе испытала плодотворность проявления этого направления, когда поддерживали меня и мою семью.

Эти направления деятельности в ходе развития правозащитного движения претерпели некоторую эволюцию. Возникали группы и объединения правозащитников, такие, как Инициативная группа, как Хельсинкская группа, но я об этом не буду говорить, потому что этот вопрос не мой сегодня.

Я хочу говорить о том, какими принципами руководствовались правозащитники в реализации своей работы. Один из них – принцип честности. И другой, стихийно возникший, – это был принцип гласности. Это не значит, что собрались люди и договорились: давайте будем действовать так. Это само собой произошло. Просто первые открытые и гласные выступления побудили многих выступать таким же образом. Часто петиции или информация были подписаны именем, отчеством и фамилией с указанием адреса и телефона. Здесь не было, как правило, никаких подделок. Принцип гласности воплощал в себе естественное право человека на свободу получения и распространения информации.

Еще одна вещь очень важна и принципиальна, особенно сегодня. Правозащитники всегда стремились к максимальной достоверности своей информации. В тех условиях, в которых мы работали, мы не могли поручиться всегда, что все, о чем мы сообщаем, абсолютно достоверно. Мы разыскивали способы подтвердить достоверность кашей информации. И если бывала ошибка, мы потом исправляли ее. Ведь это трудно, поместить в тех условиях сообщение, что такая-то информация была неточной. Ошибок было так мало, что даже когда нас судили, судьи не находили возможностей указать конкретно, в чем клевета. Обвинения в клевете были ложными. Мы старались получить и распространить максимальное количество информации по формуле английского суда: говорить правду, всю правду и только правду. Правду и только правду это не совсем так. Честность – это более, чем вся правда. Это значит, что цели моей информации, которые я заявляю, истинны, я именно их буду защищать. Были такие работы, в которых говорилось, что правозащитники обращаются к власти, к правительству, только прикрываясь их именем, а на самом деле имеют другие цели. Неправда это. Правда состоит в том, что мы обращались к управляющим структурам, имея в виду возможность сотрудничества с ними, если бы нас захотели услышать. Нас услышать не хотели.

Теперь посмотрим в диахроническом срезе, как развивались эти проявления правозащитной деятельности на протяжении нашей совсем короткой истории. Я думаю, что, дату называю условно, что до 87-го года правозащитное движение оставалось идентичным самому себе. То есть сохранялись принципы, о которых я уже сказала. В значительной степени сохранялись еще и эти формы деятельности. А потом, с началом перестройки, мы встретились с совершенно новыми условиями существования. Естественно, в новых условиях изменилась и формы деятельности прежних правозащитников. И претерпели, к сожалению, изменения принципы, на которых мы основывались.

Сегодня, когда больше, чем было прежде, возможностей быть объективным, некоторые издания, называющие себя правозащитными, следуют иному принципу: говорить правду, только правду, но не всю правду; умалчивают о том, что им кажется не полезным сообщать с точки зрения их идейной позиции, позиции противостояния. Неизменным, обязательным для себя, они считают принцип конфронтации. И, таким образом, информация приобретает тенденциозный характер. Тому есть конкретные примеры.

Сегодня наблюдается такой парадокс: все объективнее становятся, так сказать, официальные издания (впрочем, одно за другим декларирующие свою независимость), а пресса, изначально независимая, правозащитная, становится, к сожалению, все тенденциознее, все политизированнее, все более партийной.

Если прежде правозащитники были вынуждены реализовывать свою деятельность, что называется,

явочным порядком, т.к. государство, декларативно провозглашая те или иные демократические права, вовсе не предполагало, что граждане захотят ими воспользоваться, сегодня появляются законы, устанавливающие механизм реализации прежде только декларированных свобод. Конечно, эти законы весьма несовершенны – иногда злонамеренно (с целью урезать эти свободы и права), а иногда лишь из-за отсутствия у законодателей соответствующего опыта и практики. Чаще всего, имеет место и то, и другое. Наконец-то появились и законы, предусматривающие не разрешительный, а регистрационный характер реализации прав и свобод. Хорошо это или плохо? Я полагаю, что даже пока еще несовершенный закон такого рода лучше, чем его отсутствие. Некоторые из правозащитников предпочитают игнорировать такого рода законы: реализация прав и свобод явочным порядком представляется им предпочтительнее, чем подчинение "их" законам, все-таки как-то ограничивающим реализацию безусловных прав и свобод. Однако, здесь уже говорилось, что отсутствие этой процедуры есть на деле отсутствие самих прав. Мы все были свидетелями этого в недавно еще прошедшее недоброй памяти время. Конечно, ленинградский "Колокол" или "Хроника текущих событий" выходили, не проходя никакой процедуры – ни разрешительной, ни регистрационной. Сегодняшняя же "Экспресс-Хроника", должно быть, считая, что она поддерживает правозащитную позицию, заявляет, что они не будут регистрировать свое издание; принципиально не будут. Вероятно, таким образом, они демонстрируют, что закон о печати стесняет свободу печати, свободу слова. Такая же проблема возникает сегодня перед группами и организациями. Московская Хельсинкская группа зарегистрирована Октябрьским райисполкомом. Мы будем пытаться зарегистрировать ее и в Московском горисполкоме. Это вовсе не значит, что она поставила себя в зависимое положение. Вероятно, такие органы власти, как райисполком, горисполком тоже заинтересованы в развитии того дела, которым занимаемся мы. Вопрос, почему они в этом заинтересованы? Быть может, общественная группа нужна им для украшения собственного фасада, как камуфляж? Но ведь мы-то стремимся работать для правового просветительства, для наблюдения за ситуацией в области прав человека. И если регистрация группы даст нам дополнительные возможности для нашей работы – разумно ли от них отказываться ради одного лишь принципа несотрудничества с властью? Мы можем их подозревать в недобросовестности, они – нас, от такого взаимного недоверия пострадает дело. Надо, наконец, и им, и нам учиться взаимодействовать, помогая друг другу, а не мешая. Незачем уподобляться двум баранам на мостике через речку. Взаимодействие предполагает, конечно, возможность компромисса, что вовсе не означает отказа от своих задач и целей, от своих основополагающих принципов. Я думаю, например, что в развитии правовой культуры заинтересованы и правозащитники, и структуры управления, и я намерена убеждать их в том, что и им, как и обществу в целом, нужен не камуфляж, а реальное действие в этом направлении. И если они могут и готовы нам содействовать в этом деле, то и – слава Богу.

Сегодня необходимо, видимо, структурирование нашей работы. Какая-то часть правозащитного движения занимается информацией, мне кажется, что сегодня возникает еще одно новое, очень важное направление: законотворческое. Мы можем разрабатывать и предлагать для рассмотрения комитетов и комиссий верховных советов законопроекты, и рассматривать законопроекты с точки зрения обеспечения прав человека, например. То-есть участвовать в законотворчестве. Это ведь тоже форма сотрудничества. Вот сейчас, видимо, вскоре (это я не какую-то информацию сообщаю, а высказываю свое мнение) должен быть пересмотрен Исправительно-трудовой кодекс. Вот где очень важно участвовать правозащитникам, и не только в интересах политзаключенных, которые есть. Надо понять, кто такие сегодня политзаключенные. Я не буду спорить с Кронидом, что они есть, я тоже считаю, что такие люди есть, но может быть наши представления о том, кто такие политзаключенные сегодня, не совпадают.

Так вот принять участие в разработке законопроекта об ИТК я призываю вас всех, и Московскую Хельсинкскую группу, в которой участвуют крупные специалисты-юристы. Ваши законопроекты можно передавать им для экспертной оценки, если вы хотите, конечно. Или их можно подавать просто в комиссии и комитеты.

А что касается милосердия, то должны создаваться другие организации. Мы сегодня не можем на себя взять даже создание таких групп – благотворительных организаций. Они должны возникнуть сами по себе. Я думаю, что в процессе гуманизации нашего общества они возникнут. А у нас, я думаю, сегодня такие задачи, которые очень тяжелы, трудны. У нас, все-таки, недостаточно еще сил. Я думаю, что и Хельсинкские группы должны бы структурироваться по направлениям своей деятельности, и, может быть, правозащитные группы в регионах тоже.

Благодарю вас.

Вопросы к Л.И.Богораз

Ю.Ф.Орлов: Мне кажется достаточно сложным вопрос о честности. Так, например, что значит честное поведение, когда ты в клетке с коброй?

Л.И.: Я об этом говорила. Честное поведение, по-моему, это стремление к объективности информации, даже когда эта объективность не в мою пользу. А также я не стану заявлять ложные цели своих действий, даже если бы это было мне полезно. Например, я не стану говорить, что работаю ради торжества социализма или коммунизма, ведь это не так. Если же я откажусь от этого принципа, есть опасность, рискуешь сама превратиться в кобру.

М.Н.Ланда: Считали бы Вы возможным компромисс, например, с национал-социалистическим правительством, которое было в Германии?

Л.И.: Я, конечно, не оценивала позицию каждого участника правозащитного движения в отдельности. Мальва Ноевна считала и по-прежнему считает сотрудничество невозможным, она верна своим собственным принципам. Я оценивала правозащитное движение в целом, которое направляло петиции правительству. Мне кажется, что это было принципом, проявившемся в правозащитном движении. Теперь насчет национал-социалистов. Это зависит от того, какое это правительство; например в Италии национал-социалистическое правительство не было столь бесчеловечным, как в Германии, и я думаю были люди, считавшие возможным компромисс с ним. Но смотря какой компромисс. Не ценой отказа от своих принципов, от своих убеждений. Кроме того, необходимы существенные уступки и с другой стороны. Компромисс – это всегда шаг с одной стороны и шаг с другой стороны.

Вопрос: Каковы конкретные примеры такого сотрудничества?

Л.И.: Обратимся к истории. Группа людей вышла на демонстрацию, мы требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем. Сотрудничество здесь состояло в том, что мы обратились с этим требованием, и если бы нас услышали и сказали: "Да", – это был бы хороший пример. Мы не требовали удаления от власти людей, стоявших тогда у власти, мы требовали гласности суда, т.е. мы выдвигали вполне реалистическое требование. Кстати, к вопросу о гласности. Сегодня гласность достигнута, и я думаю, ценой нашей прежней работы. Может быть, наша гласность имеет несколько не тот вид, что на Западе, и я не склонна винить в этом только правительство, только Верховный Совет, который не понимает, что такое гласность. Но и мы тоже не совсем понимаем. Для нас "гласность" – это были наши книжки на папиросной бумаге, мы сами не знаем, как воспользоваться гласностью в современных условиях.

К.А.Любарский

Я хотел бы высказать несколько замечаний в порядке дискуссии по поводу очень хорошего, как мне кажется, доклада Ларисы Иосифовны. Тут было задано несколько вопросов и возникло оживленное обсуждение отношения к сотрудничеству, коллаборанству, компромиссу. В частности, был задан вопрос: "Неужели вы будете сотрудничать с национал-социалистами?" Я просто назову имя одного человека, расследованием дела которого я имел счастье недавно заниматься, – имя Рауля Валленберга. Он сотрудничал с национал-социалистами, причем с хорошо всем известным Эйхманом. И вот Эйхмана судили в Израиле, и там же в Израиле чтят Валленберга как узника мира. Это к вопросу о том, можно ли сотрудничать с национал-социализмом и со всеми остальными. Все зависит от того, кого ты больше любишь: правозащиту или себя в правозащите. Можно конечно попытаться сохранить чистоту своих риз и не сотрудничать, скажем, с Эйхманом, но сотни тысяч евреев погибнут. Другой пример. Вот у нас есть пара наша Нобелевских лауреатов, Сахаров и Солженицын. Сахарову позвонили по телефону, сказали, что он может возвращаться, и он вернулся, и дальше была такая точка зрения, которая распространялась во всякого рода письмах: "о прощенном рабе, который лижет пятки" и сотрудничает с гонителями. И есть другой Нобелевский лауреат, которого сейчас и приглашают, и гражданство его восстановили, издают его книги... Было десять условий, которые одно за другим выполнялись, теперь появляются другие условия, я думаю, появятся и пятнадцатые, и двадцатые. Я уважаю его позицию, он держится твердо и мудро, он защищает свою честь, он хочет, чтобы все было до конца. Понять эту позицию можно, но то, что здесь есть страна, которая нуждается в нем – он очевидно считает, что это второе. Так что все зависит от приоритетов, кого мы больше любим: себя или тех, кому мы хотим помочь. Обе позиции я считаю справедливыми, у каждого есть своя правда, но спорить здесь просто не о чем. Это проблема выбора.

Недавно скончавшийся Мераб Мамардашвили в своем интервью, опубликованном в нашем журнале, сказал, что на арену вышел большевизм, на этот раз в чистом виде большевизм, освобожденный от своих марксистских одежд. Большевизм – это образ видения мира, можно быть немарксистом, можно быть антикоммунистом и быть большевиком. К сожалению, иногда большевистское мировоззрение торжествует.

И второй вопрос о том, в какой мере правозащитная деятельность политизирована. Мне кажется, что отвлечься от политики трудно. Вот сейчас, например, в Верховном Совете РСФСР обсуждается Закон о реабилитации всех жертв режима начиная с 17-го года. Много разногласий и возражений при обсуждении законопроекта вызвал вопрос о том, как же реабилитировать всю 58-ю статью, ведь там есть люди, которые призывали к насилию. Правозащитная догма говорит, что насилие – плохо. Но как же мы, правозащитники, отнесемся к деятельности графа Штауфенберга, будем ли мы его защищать? У меня нет ответа на этот вопрос, но я бы лично стал его защищать, хотя он применял насилие. И не стоит здесь говорить о чистоте наших риз, тем более, что мы знаем, какого сорта были эти наши "наильники". Когда кто-то кричит "Чтоб вы померли!" – это формально призыв к насилию, конечно, но все-таки надо в каждом случае знать конкретную политическую ситуацию. В свое время правозащитники много занимались защитой участников ленинградского "самолетного дела". Это была группа евреев и двух неевреев, которые захватили самолет, чтобы привлечь внимание к проблеме выезда евреев в Израиль. Правозащитники занимались их защитой и, я думаю, что к тому были резоны, – такова была тогдашняя политическая ситуация. Это был акт отчаяния. Не думаю, что то же самое можно сказать и о многочисленных мальчишках, которые превратили Стокгольм в Шереметьево-4. Сейчас совсем другая ситуация и предлагать защищать этих мальчиков довольно глупо. Поэтому правозащита непосредственно связана с конкретной политической ситуацией. Попытки дать здесь какой-то единый ответ – это больше забота о чистоте риз, чем забота о правах человека.

В.Ребров, Комитет Социальной Защиты (Москва)

Некоторые люди считают, что достаточно промитинговать – и их права восстановятся. Мы, т.е. группа единомышленников, работающих у нас, с этим несогласны и считаем, что все делать надо самим, не призывать к работе, а работать. Учредительное собрание нашего Комитета было в сентябре 1988 года, после чего мы приступили к конкретной работе по оказанию помощи конкретным людям. Мы считаем, что можно оказать помощь лишь тому человеку, который этого хочет и приходит к нам. Если же человек не хочет помощи, то не стоит ее и оказывать, ибо это уже насилие над ним. Если же человек действительно хочет помощи, то он дисциплинированно выполняет твои рекомендации. Так, рекомендуешь звонить нам раз в месяц, – и вы думаете, такие "страждущие" звонят? Нет, они приедут в Москву, покричат и уедут. За время нашей работы в Комитет обратилось около 1,5 тысяч человек, из них где-то 500 взято на контроль, а по отношению к 150 чел, мы считаем уже, что их права нарушены. Мы всегда тщательно проверяем, с чем к нам приходят люди, и не просто на словах, а по документам. Некоторым из них нам удалось помочь. При этом главную задачу мы видим в предании огласке того или иного случая. Для этого мы уже выпустили 24 номера бюллетеня "Жернова", в каждом из которых мы публикуем несколько историй обратившихся к нам людей. И это единственное, что мы можем сделать для этих людей, т.к. у нас нет возможности построить им жилье или как-то уберечь от насилия.

Мы также выпустили три номера журнала "Голос", издали книжку "Конфликты", в которую вошли 50 таких историй. Мы уже трижды переиздали свой сборник нормативных документов. Пожалуйста, пользуйтесь и как-то организуйте, т.к. мы можем что-то сделать лишь когда нас будет много.

Я хотел бы отдельно остановиться на проблеме бездомных, которая очень остро стоит не только в палаточном городке в Москве, но и по всей стране. Эту громадную проблему можно будет как-то решить только при условии привлечения широкой общественности. В цивилизованных странах есть ночлежки, есть бесплатное питание, которое выдают этим людям, которые по каким-то причинам оказались "за бортом". Такие категории людей есть во всех странах, но у нас в стране общество должно сделать шаг к этим людям. Во всех городах необходима организация ночлежных домов, чтобы люди просто не умирали в мороз на улице, как сейчас.

В.Гомельский. Объединение свободных профсоюзов "Справедливость". (Ленинград)

Мне кажется, что правозащитное движение у нас остановилось сейчас на некой точке и перестало развиваться. Оно не замечает огромные социальные изменения, произошедшие в стране, стоит в стороне от них. Мы сейчас столкнулись в профсоюзах с проблемами, которые очень скоро будут стоять перед всей страной, как это было в Польше. Интеллигенция у нас очень далека от народа, дальше, чем были декабристы. Миллионы людей не читают никаких газет и ничего не знают. У нас наблюдается противостояние правящего класса и наемной силы. Но вот эта наемная сила очень опасна, потому что она воспитывалась правящим классом. Отсутствие правосознания в этой среде и является основой для диктатуры. И если мы не изменим правосознание трудящихся масс и огромных слоев администрации, которые считают, что сила – это решающий фактор, – диктатура неизбежна. Мы считаем, что вся правозащитная деятельность сегодня должна быть направлена не на политизацию, а на создание свободных профсоюзов. Мы должны думать не только о распространении свободомыслящей литературы, но и о том, кто ее читать-то будет? Мы должны сейчас изучать феномен рабского сознания масс, внедряться в эти массы и менять это сознание. Польша именно потому шагнула так далеко, что там интеллигенция поняла необходимость обращения к рабочему движению, они организовали защиту рабочих, что имело огромное значение. Так и у нас, необходимо создание определенных организационных структур для противостояния тоталитарной диктатуре.

Н.Фокина, сопредседатель Алма-Атинского Хельсинского комитета

Собственно Хельсинкский Комитет в Алма-Ате создан недавно, но правозащитная деятельность берет свое начало с декабря 1986 года, а в организованном виде – примерно с середины 1989 года. Дело в том, что в средствах массовой информации как-то ставят в одну цепь события в Тбилиси, Баку, Ереване, затем сегодня в Прибалтике и незаслуженно обходят первое звено в этой цепи Алма-Атинские события 1986 года, когда впервые, на заре провозглашенных деклараций о гласности и свободе, система пришла в первое столкновение с первым робким демократическим волеизъявлением. Я не буду вам сейчас рассказывать, что там произошло, но дело в том, что мне довелось быть членом комиссии Президиума Верховного Совета республики по расследованию обстоятельств этих событий. Комиссия столкнулась с большими трудностями и противодействием в течение полутора лет, свои выводы и предложения представила в Президиум ВС КазССР. Расследуя во всей глубине и широте масштаба то, что произошло в Алма-Ате в 1986 году, мы расследовали действия правительства, действия партийных работников, правоохранительных органов, административных работников, судебных органов и так далее. И вы знаете, прослеживается определенная закономерность в том, что произошло в 1986 году, и в том, что произошло в последующие годы и происходит сегодня. Эта закономерность проявляется прежде всего в том, что, несмотря на декларирование отхода компартии от руководства, на самом деле до сегодняшнего дня все ключевые решения, затрагивающие наши жизненные инте-

ресы, принимаются за дверями Центральных Комитетов республики и страны. Принимаются эти решения узким кругом лиц, на уровне первого секретаря, согласовываются с Генеральным секретарем и Политбюро, решения эти принимаются келейно, негласно. Никаких следов, ни письменных, ни устных, от этих решений не остается, а если какие-то документы и остаются, они считаются более секретными, чем документы КГБ. По этим разговорам двух-трех лиц осуществляется переброска войск, осуществляется запланированная операция, а затем проводится операция по дезинформации и переводу событий в желаемое русло, широко используются провокации. Вот такая параллель. В Риге провокация с обиженной женой одного из омонцовцев. У нас в Алма-Ате была, например, такая провокация: после побоища, когда были применены саперные лопатки и собаки, собрали с площади оружие, показали его по телевидению и внушили жителям города, что с этим оружием вышли демонстранты. Когда КГБ расследовало эту историю, оказалось, что это холодное оружие было срочно изготовлено на Алма-Атинских заводах по прямому указанию второго секретаря ЦК и раздавалось дружинникам для подавления демонстрации. Дружинники были в основном русскими, демонстранты – казахи, получилось противостояние по национальному признаку. Это породило жестокие межнациональные трения, от которых мы не можем освободиться и сейчас. До сегодняшнего дня занимают посты те люди, которые осуществляли и само побоище, и судебные преследования в Алма-Ате. Эти же фигуры прослеживаются и во всех остальных регионах. В частности, у нас в Алма-Ате действия КГБ и МВД координировал первый заместитель председателя КГБ Бобков, до сих пор занимающий свою должность, действия суда и прокуратуры направлял Стрельников, который сейчас занимается тем же в Прибалтике.

Этими вопросами в основном и занималась наша правозащитная группа. В каждом регионе, в каждой области, наверное, есть свой больной вопрос, на котором стоит сосредоточить свои усилия. В соответствии с темой нашего семинара я хотела бы поразмышлять вот над чем. Почему-то у некоторой части собравшихся вызвало неприятие положение Ларисы Иосифовны о сотрудничестве. На мой взгляд, если есть какая-то определенная цель, как у нас была цель установить правду о декабрьских событиях, поелику возможно установить виновных и, если это будет в наших силах, – привлечь их к ответственности, сотрудничество необходимо. Кстати, кое-чего мы добились: мы не просто сказали правду, но на сегодня прокурор республики, председатель КГБ и министр МВД республики сняты со своих постов. Так вот, если такая цель, большая или малая, существует, нужно, наверное, считаться с реалиями и для достижения этой цели использовать все возможные легальные средства. Какие легальные средства использовали мы: самое реальное и мощное средство сегодня – это использование авторитета народных депутатов. У нас в Казахстане огромным авторитетом пользуются два народных депутата – поэты Олжас Сулейманов и Мухтар Шаханов. Сулейманов возглавил мощное антиядерное движение и мы достигли закрытия полигона, он молчит уже 1,5 года, Мухтар Шаханов возглавил движение за выяснение правды о декабрьских событиях. В рамках этого движения мы образовали общественный комитет по правам человека и несколько больших рабочих групп из специалистов разного типа, добились откомандирования в наши группы специалистов узкого профиля, судебных работников, пригласили независимых экспертов из Латвийской Лиги прав человека. Когда же власти пытались помешать в работе комиссии Шаханова, тогда мы использовали второй мощный фактор – давление общественных неформальных организаций, независимо от того, разделяем мы их взгляды или нет. У нас в республике очень пестрая картина политических организаций, есть и экстремального толка, тем не менее мы использовали это влияние. Мы обращались с петициями, устраивали митинги, голодовки у здания ЦК, устраивали пикет, добивались встречи с руководством. Мы вынудили первого секретаря ЦК, ныне – Президента республики, дать публичное обещание помочь комиссии. Мы добились направления группы из Прокуратуры СССР. То есть для достижения правой цели просто необходимо сотрудничество и с общественными организациями, и с партийными, и с прокуратурой. Несмотря на сильное противодействие со стороны ЦК, КГБ и МВД республики, нам удалось заручиться поддержкой довольно влиятельных сотрудников этих организаций, которые не только официально работали у нас, но и неофициально давали нам необходимые документы. Это к вопросу о возможных формах правозащитной деятельности.

И последнее, что я хотела бы сказать. Конечно, то, что делали наши первые правозащитники в 60-70-х годах, – это был подвиг, которому нужно низко поклониться. В то время каждое просто сказанное честное и открытое слово было подвигом. Сейчас, когда настала пора действовать, эти действия просто необходимо координировать. Может быть, Центр, назовем его условно Московское отделение – взяло бы на себя такую миссию. Региональные правозащитные группы еще лишь начинают свою деятельность, они еще беспомощны, у них нет литературы, многие просто не имеют понятия – с чего начать. Поэтому Москве было бы хорошо взять на себя такую координационную работу. Что же касается региональных групп, тут, по-моему, нужно исходить из обстановки на месте. Почему-то мы как-то заикнулись на психиатрических преследованиях и политических заключенных. Не может быть единой задачи, не может быть единых рецептов, все диктует обстановка на месте – а направление работы, и методы работы тоже.

В первый день перспектива работы семинара мне показалась несколько неопределенной, но я думаю, что постепенно выработается более четкая программа. Я совершенно убеждена, что такой семинар нам необходим, но не на три года, а на год.

А. Масюленис, член Литовской Хельсинкской группы

Разрешите мне от имени Литовской Хельсинкской группы поздравить всех собравшихся на этот семинар. 12 августа 1949 года была принята Женевская Конвенция, которую в 1954 году ратифицировал Совет-

ский Союз. Этот международный документ гласит, что, во-первых, в оккупированном крае никто не может брать местных жителей в армию, во-вторых, не имеют права брать местных жителей на работы по военным сооружениям, в-третьих, не имеют права даже агитировать местных жителей идти в армию. Большинство стран мира не признают насильственного включения Литвы в состав СССР. В 1989 году в Литве была проведена акция по сбору подписей под требованием вывода оккупационных войск СССР с территории Литвы и демонтажа оккупационного режима. Под этим требованием подписалось более 1 миллиона 600 тысяч жителей, это более 2/3 взрослого населения республики. 10 января Литовская Хельсинкская группа, Литовская Ассоциация по защите прав человека и другие партии и движения, всего 12 организаций, составили общий протест Президенту СССР Горбачеву, министру обороны маршалу Язову, а также Центру прав человека при ООН, в котором выразили протест против введения дополнительного контингента оккупационных Вооруженных Сил СССР в Литву и другие Балтийские государства, против захватов десантными войсками наших учреждений, разездов военной техники по нашим городам, против насильственного забирая в армию юношей Литвы, отказывавшихся служить в частях оккупационной армии. Но наш протест не был услышан, как и многие протесты Литовского правительства. Последовал захват Дома Печати, Комитета по телевидению и радио и телебашни, в результате чего с 11 по 30 января сего года зарегистрировано в медицинских учреждениях 604 пострадавших безоружных людей, из которых 166 женщин, 49 человек с пулевыми ранениями, 14 погибших, и среди этих погибших один двадцатилетний юноша застрелен солдатами уже 29 января; 342 человека с повреждением слуха, 10 с ожогами и так далее. Литовская Хельсинкская группа с огромной озабоченностью отмечает опасность, вызванную Указом Президента СССР от 26 января 1991 года, а также до настоящего времени неопубликованного приказа министров обороны и внутренних дел СССР от 29 декабря 1990 года. Этими актами официально разрешается войскам КГБ, регулярным и внутренним войскам СССР неограниченное самоуправство, предусматривая при этом с 1 февраля 1991 года круглосуточное патрулирование с тяжелой бронетехникой в городах, вторжение в любые помещения, "поиск преступников" во время манифестаций. В настоящее время в Литве есть небольшая прослойка людей, которым чужд попытка коренных жителей Литвы восстановить независимое Литовское государство. В своем большинстве это те люди, которые приехали после 15 июня 1940 года, когда Литва была оккупирована советскими войсками. Но если мы будем руководствоваться уже упомянутой Женевской конвенцией, то там ясно сказано, что жители или их потомки, которые поселились в стране после ее оккупации, не имеют права решать судьбу этой страны. Но они не хотят с этим мириться, получая помощь из Кремля, организуют разные общества, вроде общества защиты прав граждан СССР или анонимных комитетов национального спасения, которые надеются с помощью военных свергнуть демократическим путем выбранное правительство Литовской республики. В настоящее время для Литовской Хельсинкской группы работы прибавилось. Раньше группа фиксировала и соответственно реагировала на происходившие нарушения, а теперь приходится еще и контролировать законы, выпускаемые Верховным Советом Литвы.

Спасибо за внимание.

Владимир Тука. Чехо-Словацкий Хельсинкский Комитет

Я благодарю Московскую Хельсинкскую группу за предоставленное мне право выступить на этом семинаре. Я хотел бы немного рассказать об опыте работы правозащитных организаций в Чехо-Словакии. Современное правозащитное движение у нас в стране в определенной мере отличается от вашего движения тем, что те видные личности, которые в последнее время руководили нашим правозащитным движением, сейчас занимают высшие государственные посты. Многие члены нашего Комитета остаются "замороженными членами" в парламенте. Это создает благоприятные условия для нашей работы, но это же создает и некоторые проблемы. Они связаны с определением характера взаимоотношений между правозащитной деятельностью и политической. Пока мы стараемся использовать наши связи для того, чтобы в нашем государстве создать действительно демократическое общество. Мы хорошо понимаем, что это длительный процесс.

Чехо-Словакия – это страна, состоящая из двух национальностей – чешской и словацкой, и в последнее время определенные проблемы возникли в связи с повышением уровня национального самосознания, скажем, словацкого народа. В связи с этим были созданы два республиканских Хельсинкских Комитета и общегосударственный Комитет, причем это не мешает нам в работе благодаря тесному сотрудничеству между ними.

Очень хорошими стали условия для законодательной деятельности, т.е. не прямой деятельности, а посредством наших парламентариев. Все принимаемые законопроекты проходят через правозащитников. Пока не все нам удастся, но тем не менее в декабре прошлого года была принята Хартия прав человека, причем ее текст несколько раз проходил через правовую секцию нашего Хельсинкского Комитета. Мы, как и другие правозащитные организации, обсуждали закон о религиях, о беженцах и другие законы, касающиеся прав человека.

Другим направлением нашей работы является рассмотрение конкретных случаев нарушения прав человека. Хотя у нас общество более демократическое, чем у вас, но, тем не менее есть нарушения прав. Кроме того, мы активно участвуем в процессе репатриации чехов из Советского Союза. Также мы пытаемся выяснить судьбу 30 тысяч словаков, вывезенных в Союз после второй мировой войны, реабилитировать их и восстановить в Правах. Мы занимаемся также контролем за соблюдением прав беженцев в нашей стране. Кроме того, сохраняется и наша традиционная сфера деятельности – борьба за восстановление прав полити-

ческих заключенных.

Кармен Мария Родригес.
Кубинский Комитет Прав Человека. (Нью-Йорк)

Я считаю большой честью для себя выступать на родине А.Д. Сахарова. Я представляю Кубинский Комитет по правам человека. Этот Комитет был основан в 1974 году доктором Рикардо Боффином, который является активистом борьбы за права человека и проживает в настоящее время в Майями. Я здесь благодаря приглашению, полученному нами от газеты "Куранты", которая также пригласила доктора Боффина приехать в СССР. К сожалению, советские власти лишили доктора Боффина права приехать в Советский Союз и именно поэтому его сейчас нет здесь. Этот факт тоже говорит о положении с правами человека в вашей стране. Ваша страна была вдохновителем движения за права человека. Мы скопировали на Кубе худшую модель сталинизма. Но Андрей Сахаров, человек, противостоявший тоталитарной системе, дал нам инструмент для борьбы со сталинизмом. Тем не менее 90% активистов борьбы за права человека на Кубе в настоящий момент находятся в заключении. Оставшаяся на свободе часть активистов подвергается жесточайшим преследованиям со стороны тайной полиции. Нарушения прав человека были возведены в ранг государственной политики на Кубе усилиями Фиделя Кастро. За 32 года правления Кастро на Кубе было осуществлено невиданное уничтожение борцов за права человека. Трудно себе представить масштаб того террора, который осуществлялся над кубинским народом в эти годы. Мы никогда не узнаем имен и количества тех людей, которые содержатся как обычные заключенные – это люди, заключенные за их политическое убеждение в том, что каждый человек может приехать и жить в любой стране. Среди этих узников есть человек, который содержится в заключении по политическим мотивам уже более 30 лет, хотя кубинская конституция запрещает заключение на сроки более 20 лет. У нас есть политзаключенные, осужденные в возрасте 10-12 лет за попытку покинуть страну. Фидель Кастро построил себе на советские деньги 32 бункера, в которых он сможет сохранить свою жизнь. В это время страна страдает от голода, чрезмерно длинного рабочего дня, весь остров представляет собой одну большую тюрьму. Большинство наших людей думало, что революция совершается для восстановления демократии на Кубе. Фашистский диктатор Батиста в 1952 году порвал с конституцией Кубы. Все свободомыслящие люди на Кубе считали, что революция способна восстановить демократию. Однако то положение, в которое Кастро сверг Кубу, не повторялось наверное на Западном полушарии со времен расправ испанских колонизаторов над индейцами. Многие люди на Западе считают, что Советский Союз стоит почти на грани гражданской войны. Наша страна тоже стоит на этой грани. И все это происходит потому, что права человека не соблюдаются ни в той, ни в другой стране. Следующие семь месяцев являются критическими как для СССР, так и для Кубы. И я знаю, что именно тогда, когда падет режим Кастро, начнутся настоящие трудности. Я принадлежу к той части кубинских и международных борцов за права человека, которые считают, что в будущую конституцию свободной Кубы должна быть включена Декларация Прав Человека.

В.Абрамкин. группа "Тюрьма и воля" (Москва)

Я представляю группу "Тюрьма и воля", общественный центр "Тюрьма и воля" или, у нас есть название более официальное, Общественный центр содействия гуманизации пенитенциарной системы. Я хотел бы затронуть одну, как мне кажется, очень важную проблему. Дело в том, что, не зная общества, не понимая тех процессов, которые в нем происходят, а борясь только за права человека, мы можем людям навредить. А здесь главный принцип должен быть – "не навреди". Та проблема, которой занимается наш общественный центр, позволяет нам обнаружить, что без изучения объекта, которым мы занимаемся, только борьба за права заключенных может привести к печальным последствиям. Известно, что за годы перестройки режим в тюрьмах и лагерях несколько смягчился. Но вот что получилось: это смягчение привело к ухудшению положения заключенных. Это кажется парадоксом, но когда мы ездили по лагерям, сотрудники говорили, что эта гуманизация привела просто к социальной напряженности, к тому, что увеличилось количество эксцессов, захватов заложников, бунтов, забастовок, голодовок. Примерно то же говорят и сами заключенные, что после этих гуманных мер, таких, как отмена пониженной нормы питания в карцере, сидеть в ШИЗО стало хуже, хотя кормить стали каждый день, поскольку эта администрация, эта система иначе как методами грубого подавления управлять массой заключенных не может, она, естественно, нашла замену, а замена оказалась более страшной. Масса случаев зверских избиений заключенных резиновыми дубинками, натравливания собак и так далее. То есть это же не просто обман, я имею в виду точку зрения администрации, что меры гуманизации приведут к ухудшению, дестабилизации обстановки. Они действительно правы. Любая гуманизация в рамках этой системы ведет именно к ухудшению положения заключенных. Мы должны понимать, что без глубоких структурных изменений системы просто введение международных стандартов в наших тюрьмах и лагерях приведет к печальным последствиям, к ухудшению реального положения заключенных.

Наш центр занимается не только защитой прав заключенных. У нас есть социологическая группа, которая ведет исследования. Именно эти исследования помогают нам понять ситуацию, понять, как можно эту систему изменить. Потому что тот путь, который сейчас предлагают МВДэшники, в общем-то сводится к чему? Они разработали проект, который внешне выглядит совершенно великолепно, туда введены все нормы из минимальных стандартных правил. Но при этом опять-таки нет никаких механизмов реализации этих

прав и норм, опять-таки нет никаких гарантий. И в тех условиях, которые мы сейчас имеем, это, как считают наши эксперты, и не только наши, приведет к тому, что после принятия этого проекта, если это произойдет, ситуация в местах лишения свободы ухудшится и это приведет к возникновению обратной волны, а она очень легко пойдет в нашем обществе, как мы это понимаем, и приведет к тому, что возникнет необходимость введения еще более жесткого режима, чем сейчас есть. Я не буду подробно рассказывать. Если есть у кого-то вопросы, я на них отвечу. Я хотел просто сказать, что сейчас, по всей видимости, содержание и состав проблемы прав человека резко меняется, по сравнению с 70-ми и 80-ми годами. Дело в том, что сейчас на первое место выходит, по-моему, проблема согласования прав. Скажем, та же проблема свободы эмиграции требует у нас, например, согласования права на выезд наших граждан и соблюдения прав граждан тех стран, куда они выезжают. В принципе большой поток эмигрантов ухудшит условия их жизни. Это приводит обычно к плохим последствиям. Те же проблемы согласования прав возникают и в наших республиках, как мы слышали сегодня.

И еще что должно измениться, по-видимому, в проблеме прав человека, так это необходимость введения реальных механизмов соблюдения этих прав. Потому что просто декларирование прав, сведение их в законодательную норму, не изменит ситуацию. И, в общем-то, может даже так получиться, что мы окажемся в худшем положении, чем в 70-80-е годы. Ведь если тогда права человека нарушало КГБ, то сейчас есть опасность нарушения прав человека со стороны местной мафии, которая держит в руках власть.

Е.Захаров, "Мемориал" (Харьков)

Я представляю правозащитную группу нашего "Мемориала". До февраля 89-го года, пока не был организован "Мемориал", деятельность правозащитников в Харькове носила такой характер, что ею занимались отдельные лица, не связанные друг с другом, и она никак не была оформлена организационно. С возникновением "Мемориала", эта работа пошла более организованно, с обращениями в органы советской власти, в прокуратуру, КГБ, МВД и так далее. Она велась в основном по двум направлениям. Первое это борьба с нарушениями прав человека в Харькове, и второе это помощь политзаключенным. Первое касалось таких вопросов, как преследование распространителей прессы, как преследования тех людей, которые начали пропагандировать желто-голубые флаги. Их штрафовали, подвергали административному суду и так далее. В связи с этим мы обращались в органы власти, все эти факты предавались огласке, прежде всего, мы выпускали информационный бюллетень тиражом 200, 300, 500 экземпляров, который вывешивали на щиты, на столбы, рассылали по организациям и предприятиям, и можно сказать, что ни один факт такого нарушения не был оставлен нами без внимания. То есть он предавался огласке и по нему следовали соответствующие обращения. И, кроме того, информация об этом появлялась в "Экспресс-хронике".

Второе – помощь политзаключенным. Здесь речь шла о патронаже заключенных, которые были в пределах Харькова и вообще по Украине. Имеется в виду вот что: это письма, это доставка газет в лагеря, поездки туда, посылки, бандероли и так далее.

Следует сказать, наш опыт показывает, что такого рода поддержка, во-первых, была совершенно необходима для самих узников совести, и, во-вторых, в результате таких поездок и действий администрация лагерей начинала иначе относиться к заключенным, она переставала их преследовать. Так, по крайней мере, говорит наш опыт.

Отмечу, что где-то к концу 89-го года в городе Харькове те проблемы, о которых я говорил, были решены. То есть в Харькове давно не преследуют тех, кто продает свободную прессу, и желто-голубой флаг уже давно утвердился. Естественно, что есть нарушения, которые были связаны с митингами, но опять-таки надо сказать, что обстановка в городе достаточно спокойная, за все эти годы не было ни одного случая избития и арестов на длительный срок. Было два ареста на 15 суток. Можно в принципе сказать, что фактов преследования по мотивам политическим в Харькове сейчас нет (за исключением двух случаев узников мира, но это отдельный разговор). Еще следует подчеркнуть, что объем помощи, который мог быть нами оказан в лагерях, во многом был таким потому, что мы стеснялись обращаться в правоохранительные органы. При этом мы исходили из того, чтобы никак не навредить тем, кто находится в лагере, но в то же время надо подчеркнуть, что без обращения, к примеру, к начальнику УВД области, у нас не было возможности даже попасть на свидание в лагерь. В дальнейшем, после того, как многие из нашей группы стали депутатами, этот процесс стал более легким и более продуктивным. То-есть нам больше удается, чем раньше.

В настоящее время наша правозащитная группа ведет такую работу. У нас была проведена аналогичная Ереванской конференция под названием "Тоталитаризм и культура". Кроме того, мы собираем материалы по истории правозащитного движения. Это приговоры, самиздатские документы, письма из лагерей и прочие документы. Кроме того, мы совместно с МХГ составляем список заключенных и рассылаем его по всей стране в региональные правозащитные группы. На Украине мы обратились а региональные отделения РУХа и "Мемориала" (РУХ – это Украинский народный фронт), в те места, где отбывают срок лица, которые осуждены по политическим мотивам, или же в те места, откуда они родом, с сообщением о том, что такие люди или их семьи живут на их территории, с просьбой оказать им содействие в том плане, как это мы делали в Харькове. Из некоторых организаций мы получили ответ, и помощь такого рода оказывается.

Далее. В настоящее время, на наш взгляд, происходит смещение центра тяжести в деятельности правозащитных организаций, повторяю, в нашем регионе фактически нет случаев, чтобы людей судили по политическим мотивам, и мы больше внимания оказываем защите социальной. Это, как уже говорилось, уволь-

нения с работы; сейчас больше нарушаются права не политические, а самые обычные: право на жилье, право на работу и так далее. Поэтому, видимо, в большей степени нужно переходить именно к социальной защите. В городе создана так называемая правовая комиссия по содействию в обеспечении незаконно репрессированных граждан. Эта комиссия занимается реализацией льгот для репрессированных в период культа личности, это решение было подготовлено нашей группой. Можно сказать, что в Харькове такие льготы даны, по имеющейся у нас информации, в наибольшем объеме по всей стране, если сравнивать с другими городами.

Еще один важный момент – работа просветительская. Мы наметили сейчас серию телепередач по нашему Харьковскому телевидению, мы получили от МХГ брошюру ООН, это методическое пособие для начальной и средней школы по правам человека. Кстати, мы его сюда привезли в некотором количестве, и его можно будет получить в секретариате конференции. Эта брошюра дает много информации для преподавателя, там много ролевых игр и так далее. По этой брошюре мы планируем организовать обучение учителей в Харькове, и использовать ее для телепередач.

И.Мигалкин, "Мемориал" (Томск)

Уважаемые коллеги! Я представляю "Секцию защиты прав лиц, преследуемых за убеждения" при Томском "Мемориале", сокращенно – Правозащитная секция.

Я не хотел бы, чтобы мое выступление было очередным отчетом о деятельности одной из правозащитных групп, поэтому остановлюсь лишь на одном из аспектов деятельности нашей Секции. Это проблема составления обращений и протестов по тем запросам, которые к нам поступают. Мы разработали, вернее, приняли методику "массированного удара в одну точку". Когда к нам поступают сведения о нарушении прав человека, совершенном какой-либо государственной инстанцией, организацией (чаще всего, таковыми являются учреждения наших правоохранительных органов) да собираем по этому делу подробные сведения, составляем краткий "дайджест" по его сути, в котором, "без эмоций", конкретно и "по делу" указываем на факты нарушения статей и пунктов отечественного законодательства и международных норм, просим дать разъяснения, попутно сообщая, что в противном случае оставляем за собой право поставить в известность об этом "соответствующие отечественные и международные инстанции и учреждения". Составленный таким образом "пакет документов" от имени нашей организации, с использованием всей бюрократической атрибутики (печати, подписи, исходящие номера и т. п.), оформляется в качестве запроса в те местные инстанции, в ведении которых происходят рассматриваемые нарушения. Одновременно мы размножаем наш "пакет документов" и рассылаем его по известным нам адресам правозащитных организаций в другие города, с просьбой поддержать нас и уже "от себя" дать протест в те же инстанции. Просим использовать (и используем сами) также другие формы давления, типа депутатского запроса, публикаций в демократической и независимой печати и т.п. Получается фокусированный удар "в одну точку" и, что особенно важно, из различных, пространственно разделенных пунктов. "Незначительное и привычное", с точки зрения местных властей, нарушение попадает "под микроскоп" общественного мнения целой страны. Это, конечно, в идеале. Однако эта методика сработала (правда, с максимальными бюрократическими проволочками) в деле политзаключенного Эдуарда Крицкого, более эффективно – в последнем деле – известна история с возвращением на Родину поэта Низаметдина Ахметова. Нами были розсланы просьбы о поддержке более, чем по 30 адресам, и когда Ахметов прибыл по этапу в Челябинскую область, прокуратура была завалена протестами со всех концов страны, были подготовлены местные правозащитники и общественность. В настоящее время он освобожден из-под стражи, есть основания надеяться на благоприятное разрешение этого дела. Разумеется, многие протестовали бы и без наших напоминаний, мы не приписываем себе основные заслуги, но, нам кажется, форма такой массовой гласности и протестов должна быть использована и далее, как можно шире, особенно в делах, связанных с местными, "провинциальными", часто остающимися в безвестности нарушениями прав человека.

И еще. Просьба, если уж идут такого рода обращения от других групп о поддержке кого-то, то проявлять в этих обращениях как можно меньше излишних эмоций, давать конкретную канву дела. К нам поступает масса бумаг, в которых идет длинная преамбула, с проклятиями, общими обвинениями в адрес партии, бюрократии, каких-то неизвестных нам лиц... и только в конце сообщается фамилия пострадавшего и просьба поддержать протест. Нам приходится опять посылать запросы, кто же этот человек, выяснять, что же с ним конкретно, уходит время... Повторюсь – без эмоций, суть дела. Тем более, замечено, что когда запрос в прокуратуру, в места заключения или в другие ведомственные инстанции составлен в безэмоциональном канцелярском духе, он гораздо действеннее.

ВОПРОС:

Были ли такие случаи, когда вы вмешивались в судьбу чело века и чего-то добивались?

И.МИГАЛКИН:

Я назвал Эдуарда Крицкого, в настоящее время Низаметдин Ахметов, был освобожден еще политзаключенный Борис Фролов из Якутска. Хотя Крицкий был освобожден всего лишь за 9 месяцев до конца срока из-за бюрократических проволочек, но он приезжал к нам и рассказывал, какое впечатление на лагерную администрацию произвел поток писем с разных концов страны. Международная огласка и протесты, по его словам, такого воздействия на них не оказывали. Запад всегда "клеветает", а вот то, что по всему Союзу про такие нарушения знают, это другое дело...

Ю.Киселев. АЗИМ (Москва)

Я выступаю от АЗИМ – это Ассоциация защиты инвалидов и милосердия. Мы начинали работать давно, еще с 56-57-го года, тогда мы были другой ассоциацией, которая не была объявлена и, к тому же, это было опасно. Мы организовывали демонстрации, в частности у ЦК партии, это был 55-й год. Это информация о прошлом. А сейчас защищаем права инвалидов, в отличие от официальных организаций, которые созданы только два года назад и созданы так, чтобы было известно, что права инвалидов и инвалиды защищены, а на самом деле это не так, поскольку во главе этих организаций, не всех, во главе региональных организаций люди порядочные, но в большинстве случаев это барьер между правительством и инвалидами. Как будто у нас что-то делается. Конечно, что-то делается, даже недавно вышли новые предложения, но я к сожалению не увидел Закона СССР об инвалидах. У государства нет средств на помощь инвалидам и, естественно, в Москве, в центральных городах еще можно выступать, это будет услышано, а на периферии это очень трудно. Мы когда-то выпускали бюллетень, сейчас нет, потому что это сложно, и эпиграфом этого бюллетеня были слова, что отношение к инвалидам и положение инвалидов – это показатель нравственности и совести общества. Я уже не помню автора, это довольно-таки древняя истина. Естественно, у государства нет средств на помощь инвалидам потому, что идет все на армию, на партию, на ГБ и так далее. Это было очень давно, первый мор инвалидов был в 19-м году, вернее, когда было создано общество ветеранов войны и труда. Приказ Ленина – и органы ВЧК заинтересовались этой организацией. Были закрыты и благотворительные общества, и государственные общества, которые отпускали средства для этих фондов, и инвалиды из приютов и домов (а тогда это было хорошо налажено) были выброшены на улицу. Сейчас же, если вернуться к этим домам, к сожалению, еще в центре они ничего, а на периферии администрация, собес и так далее, пользуются ими в своих интересах. Причем очень давно, еще Комаровой, прежним министром социального обеспечения, были организованы хозяйства со свиньями и так далее, а для приезжающих с экспертизой людей были устроены специальные залы, они прекрасно там питались, устраивали гулянки и уезжали обратно, как это было недавно в Кировоградской области, с полными кошелками мяса. Причем в этих домах настолько все замечательно, особенно в домах для хроников, что вот вам пример – убийство Варлама Шаламова, когда ему вкатили чрезмерную дозу аминазина.

Инвалидов очень много в нашей стране. Была публикация в апреле прошлого года: что-то около 27 миллионов, это официально, на самом деле, я думаю, что за 30 миллионов, потому что это каждый 10-й по ООН, но у нас очень много стрессов, да и потом химия и так далее.

Проблемы у инвалидов все те же, очень трудные: реабилитация, лечение, транспорт, абсолютно не приспособленный ни к городу, ни к деревне, потому что везде ступеньки. И на это нет средств у государства. Поэтому наша группа занимается и проблемными вопросами и частными лицами, которые попали в трудное положение.

Сейчас член нашей группы Архипов, например, живет вдвоем с двумя детьми в г.Калуге на площади в 7 метров. И это везде так, это очень сложная проблема для всех инвалидов.

Д.Леонов. "Мемориал" (Москва)

Меня просили рассказать о правозащитной деятельности "Мемориала" в Москве. У нас есть юридическая группа, оказывающая индивидуальную помощь пострадавшим от репрессий, и правозащитная группа, Я буду рассказывать о правозащитной группе. Она занимается в основном наиболее серьезными и массовыми случаями нарушения прав человека. Каковы направления деятельности группы? Это помощь Московской Хельсинкской группе в составлении списков и данных по политзаключенным. Это просветительская деятельность, в частности, в декабре прошел организованный Еленой Русаковой международный теоретический семинар по правам человека, лекции читали члены Польской Хельсинкской группы. И третье направление деятельности – горячие точки. Мы организуем экспедиции в горячие точки, привозим оттуда информацию, пытаемся ее тут печатать, направляем в правозащитные организации у нас и за рубежом. Два раза наши представители были в Азербайджане, были в Армении, в Нагорном Карабахе, в Молдове. Намечается сотрудничество в этих поездках с Американской Хельсинкской группой, пока была только одна совместная поездка в Азербайджан. В связи с этим я хотел бы сказать, что в последнее время в качестве источников правозащитной информации стали использовать и такие, как "Красная звезда" и "Военно-исторический журнал". Их материалы недобросовестны, это факт. Мне кажется, одна из больших проблем правозащитной работы – отсутствие газеты, нормальной, спокойной газеты правозащитного характера. Я знаю, что есть "Ежедневная Гласность". К сожалению, она мало до кого доходит, в основном до иностранных корреспондентов. Есть "Экспресс-хроника", которая занимает ангажированную позицию. Такие имеющие принципиальную важность дела, как дело Шерали Нурмурадова, явно политическое дело, и тем не менее ему было предъявлено уголовное обвинение, фактически не нашло отражения в "Экспресс-хронике". Скажем, такая вещь, как приказ Министра внутренних дел СССР от 6 июня 1989 года, старый приказ, но он стал известен только сейчас, – это инструкция о применении органами внутренних дел и внутренними войсками спец средств, не может найти отражения на страницах "Экспресс-хроники".

А.Смирнов, ответственный секретарь Московской Хельсинкской группы

В связи с тем, что еще на первом нашем заседании были заданы вопросы о том, чем занимается Хель-

синкская группа, и были высказаны пожелания, чтобы существовал обмен опытом правозащитной деятельности, я хотел бы сейчас зачитать краткий обзор деятельности Московской Хельсинкской группы. Эта наша программа не полностью, конечно, реализована, но мне кажется, что она представит интерес для других, новых правозащитных организаций.

1. Составление правозащитных документов Группы. Это традиционная деятельность еще старой Хельсинкской группы, "доперестроечной", которая занималась, в основном, только одним видом деятельности – составлением документов по наиболее вопиющим нарушениям прав человека. Как правило – по адресам конкретных людей. Эта деятельность состоит из: 1) сбора и анализа информации о конкретном событии или ситуации, связанными с конкретным нарушением или возможностью нарушения прав человека (здесь самое главное – достоверность информации); 2) составления краткого текста документа и согласования его с членами группы, выработки окончательного текста (это очень сложный процесс: трудно прийти к консенсусу, когда много народу); 3) первичного размножения текста документа, рассылки документа по заранее определенным адресам, публикации документа в советской и зарубежной прессе (каждый пункт, как вы понимаете, очень сложен).

2. Правовые экспертизы законодательства:

- а) сбор и анализ текстов действующих и проектируемых законодательных и нормативных актов;
- б) составление экспертных заключений по законодательным актам, вызывающим сомнения с точки зрения соблюдения прав человека, соответствие этих актов международным правовым документам в области прав человека;
- в) первичное размножение экспертных материалов и рассылка их заинтересованным организациям от имени Московской Хельсинкской группы;
- г) публикация экспертиз в советской и зарубежной прессе.

3. Список политзаключенных:

- а) сбор информации о лицах, репрессированных предположительно по политическим мотивам (предположительно – я подчеркиваю);
- б) составление списков лиц, с соответствующей систематизацией (например, лица, осужденные за отказ от службы в армии и т.д.);
- в) размножение и рассылка списка с обращением о помощи в сборе информации о репрессированных, лишенных свободы. (Здесь мы очень надеемся на помощь региональных групп);
- г) формирование пакета документов по каждому заключенному. Это – новое, что мы пытаемся реализовать. То-есть, должен быть не просто список с перечнем фамилий, а набор папок, куда входят документы, необходимые для описания дела: копия приговора, копия кассационного определения и т.д.;

д) составление юридически обоснованного экспертного заключения по каждому делу, для определения статуса лиц, репрессированных по политическим мотивам. Сейчас очень большое число лиц претендуют на статус политического заключенного. В каждом случае необходимо разбираться, это очень сложная процедура;

е) предоставление копии пакета материалов с экспертным заключением Хельсинкской группы о неправомерном осуждении конкретного лица в прокуратуру, согласно имеющейся с ней договоренности.

4. Просветительская деятельность. Тут речь идет пока только о семинарах, у меня несколько пунктов, как мы это реализуем. Я этот раздел пропускаю, дорожу временем.

5. Организация Центра по правам человека. Эту работу я считаю важнейшим, актуальнейшим видом деятельности Хельсинкской группы, который должен предшествовать всем другим видам деятельности. Центр по правам человека – это условие для нормальной правозащитной деятельности, в частности, в Москве, где имеется большое количество правозащитных групп, которые могли бы объединиться, по крайней мере физически, в одном здании. На этом построена концепция Центра по правам человека. Речь идет лишь о приобретении условий для работы, ведь сейчас работа ведется так же, как и 30 лет назад, в основном на кухнях и частных квартирах. Я призываю присутствующих понимать, насколько сложно работать в таких условиях, и если есть какие-то недостатки в организации, например, этого семинара, то они обусловлены именно этими трудностями.

Наконец, текущая деятельность Московской Хельсинкской группы. Мы участвуем в различных мероприятиях, семинарах, собраниях, в том числе с выездом в командировки. Ведем систематическую переписку с организациями и частными лицами. Проводим консультации и участвуем в работе мероприятий, которые организуются не по нашей инициативе, пытаемся проводить прием населения и так далее.

Я хочу сказать, что вся эта работа гораздо тяжелее, чем была до "перестройки". Сейчас требуется гораздо больше усилий и средств на это. Говорилось о зарубежных фондах. Но уже связь с ними и получение каких-то средств, это необыкновенно сложно. Нужны средства не только для нас, а и для региональных групп. Мне кажется это куда более важным, чем эти семинары. Если попросту говорить, то средства, отпущенные на эти семинары, могли бы быть пущены на техническую помощь региональным правозащитным группам, что было бы гораздо полезней.

А.Даниэль (Москва)

Я хочу сказать, что я выступаю сейчас не как член "Мемориала", а абсолютно от своего имени, и хотел бы высказать некоторые соображения, которые, может быть, будут полезны членам правозащитных групп в вопросе, который поднял А.Миронов, а именно о Хельсинкской конференции, которая должна пройти в Мо-

скве осенью этого года. Дело в том, что действительно для всех общественных организаций стоит вопрос о том, как относиться к этой конференции, как относиться к совещанию на межгосударственном уровне и как относиться к сопутствующему совещанию общественных организаций, которое обычно сопровождает эти конференции. Что касается гуманитарного совещания на правительственном уровне, тут мне трудно было бы что-нибудь сказать. Я думаю, что реально вряд ли возможно отменить эту конференцию в Москве. Что же касается общественных организаций, то я согласен с тем, что после событий в Прибалтике не должно общественным организациям участвовать в такой конференции в Москве. У меня предложение, которое, может быть, я буду вносить и на "Мемориале", и, может быть, другим общественным организациям оно тоже покажется приемлемым. Я предложил бы провести международную общественную встречу в рамках Хельсинкской встречи в Вильнюсе.

Берман

Я – брат Дмитрия Бермана. Сейчас я зачитаю его обращение к вам, обращение о помощи.

"Уважаемые друзья. Я, Дмитрий Берман, обращаюсь к вам и к мировой общественности, и прошу поднять ваш голос в мою защиту, против жестоких и незаконных репрессий, которым я подвергаюсь со стороны так называемых правоохранительных органов. 31 июля 1988 года в городе Николаеве я был арестован и против меня было сфабриковано уголовное дело по обвинению в убийстве военнослужащего. В течение двух с половиной лет я находился под следствием. В трех тюрьмах и двух спецпсихбольницах меня подвергали избиениям, изощренным пыткам, насильственным инъекциям психотропных препаратов, принудив меня к самоговору. Я прошел 9 судов, от районного до республиканского, и ни одним из них не была доказана моя виновность. 24 августа 1990 года прокуратура Украинской республики приняла решение о прекращении уголовного дела в отношении меня за недоказанность моего участия в совершении преступления. Однако такое решение как видно, не устраивало реакционные силы, заинтересованные в разжигании национальной вражды, особенно вражды по отношению к евреям. Дело об убийстве военнослужащего евреем, или, в зависимости от места действия, литовцем, молдаванином, армянином, азербайджанцем или представителем какого-либо другого народа может служить удобным предлогом для использования армии для подавления демократического стремления республик к суверенитету, народов к свободе и независимости. Под давлением этих реакционных сил Прокуратура Союза возобновила незаконное уголовное преследование меня, уже после того, как мною было получено разрешение и виза на выезд на постоянное местожительство в Израиль. Понимая, что необоснованное уголовное преследование меня продиктовано политическими мотивами, я вынужден был искать убежища в Посольстве Канады. В настоящее время против меня проводится клеветническая кампания в советской официальной прессе. Газета "Известия" от 14 января 1991 года поместила искаженную информацию обо мне. Сфабрированное против меня уголовное дело является свидетельством серьезной угрозы и особой опасности для советских евреев в условиях резкого обострения национальных отношений и политической борьбы, в которых евреи оказываются заложниками реакционных сил. Я призываю всех выступить в мою защиту и не допустить разжигания национальной вражды в политических целях. Дмитрий Берман, Посольство Канады в Москве".

РЕЗОЛЮЦИЯ

участников семинара Московской Хельсинкской группы
по проблемам правозащитной деятельности

Мы призываем правительства стран-участниц Хельсинкского процесса сделать все для того, чтобы запланированная на осень 1991 года общеевропейская Конференция по правам человека в Москве не стала пропагандистским прикрытием для правительства, ответственного за кровопролитие в Прибалтике.

4.02.91

РЕЗОЛЮЦИЯ

Мы, участники семинара по правовой культуре, выражаем серьезную озабоченность в связи с созданным положением прав человека в Нагорно-Карабахской автономной области в настоящее время.

Ни одно решение в ВС СССР по нормализации обстановки в этой области не претворилось в жизнь, особенно по вопросу восстановления местных Советов и облсовета, незаконно распущенных в связи с введением чрезвычайного положения в этом регионе.

Более того, создан параллельно с фактически недееспособным оргкомитетом при ВС СССР по нормализации обстановки в НКАО республиканский оргкомитет при ЦК КП Азербайджана, статус и полномочия которого противоречат как Конституции АзССР, так и Конституции СССР.

Этот орган аналогичен сталинским особым совещаниям и представляет собой фактически абсолютную власть, которая, опираясь на советскую армию и части ОМОН МВД АзССР, осуществляет политику полной дискриминации и нарушения элементарных прав человека армянской части населения НКАО вплоть до прямой депортации из области, прилегающего к ней Шаумяновского района Геташенского погранрайона.

Мы требуем восстановления конституционной власти в области, пресечения любых попыток дискри-

минации и депортации армян и соблюдения норм, предусмотренных Всеобщей декларацией прав человека.
4.02.91

ОБРАЩЕНИЕ

участников семинара по правовой культуре
к нелитовскому населению Литвы,
нелатышскому населению Латвии
и неэстонскому населению Эстонии

Мы, участники семинара, представители многих правозащитных организаций СССР, обсудив положение в Прибалтике, подтверждаем свое понимание приоритета прав человека перед правами групп, а также неприкосновенности международно признанных прав любых меньшинств – в том числе, национальных, языковых, религиозных. Однако мы считаем, что эффективная защита этих прав невозможна в условиях конфронтации с коренным населением, на путях противоборства с народами, борющимися за свою свободу и национальную независимость.

Мы выражаем свое сочувствие т.н. "русскоязычному" населению Прибалтийских республик, на которое пала тень кровавых расправ, чинимых якобы от его имени. Мы рады поступающим из Литвы сообщениям о том, что провокационные действия Советской Армии не только не разобщили народы Литвы, а, напротив, привели к смягчению межнациональной розни в этой стране. Мы, со своей стороны, всегда готовы к посредничеству в любых переговорах, имеющих целью достижение гражданского согласия в Литве, Латвии и Эстонии.

4.02.91

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Л.И.БОГОРАЗ

Я хочу напомнить собравшимся, что этот семинар – первый в серии семинаров, которые мы хотим провести. Они будут проходить дважды в году, ближайший семинар мы рассчитываем провести в июне. Я надеюсь, что он пройдет успешнее, чем этот. Хотя этим я тоже довольна, так как здесь было выслушано много важных, очень познавательных докладов и интересных выступлений. Я думаю, что и то, и другое принесет пользу нам всем в нашей работе. Ближайший семинар в июне будет посвящен национальным проблемам и правам человека. Конечно, мы не могли и сегодня обойти эти проблемы, они очень острые, и нам пришлось заниматься и ими тоже. Я должна сказать об упущении, которое я осознала слишком поздно, чтобы изменить ситуацию. Традиционная проблема правозащитников – это проблема политзаключенных. Я думаю, что на одном из следующих семинаров мы займемся и этой проблемой вплотную. Я также прошу всех участников семинара подумать о том, чему будет посвящено такое занятие. Проблема политзаключенных ведь тоже не проста. Мы не знаем, кого мы называем этим словом. Было бы хорошо, если бы те, кто собирается выступить на этом семинаре, подумали над этим вопросом, кого мы считаем политзаключенным, не поименно, конечно, а по категориям.

Я хотела бы также напомнить то, что я сказала в самом начале. Я надеюсь, что приехав в свои регионы, вы организуете у себя тоже такие учебные группы по правам человека и, может быть, вам удастся пробиться через депутатов в отделы народного образования. Очень полезно и нужно организовывать факультативы в средних школах, институтах. Вы можете, конечно, пригласить кого-то из нас, из Хельсинкской группы к себе, мы рады будем вам помочь. Кроме того, мы в ближайшее время обработаем материалы семинара и издадим брошюру. Мы разошлем ее, но было бы очень хорошо, если бы подали заявки на эту литературу. В этот пакет документов войдет, кроме материалов семинара, то, что вы хотели бы получить. Затем, брошюра "Права человека в средней школе", независимый журнал "Современные проблемы", список литературы, которой стоит пользоваться для занятий.

Вот все, что я хотела сказать. Благодарю вас, друзья.